

Юрий Иванович
Обладатель
Серия «Обладатель», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4567595
Обладатель : роман / Юрий Иванович: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-60489-0

Аннотация

Однажды москвич Иван Загралов потерял все! Квартиру, машину, жену и даже работу. Вчера еще он был уважаемым специалистом в солидной компьютерной фирме, а сегодня – пьет с бомжами в подвале и ни на что уже больше не надеется. Но жизнь гораздо на сюрпризы. Совершенно случайно Загралов становится свидетелем кровавой разборки неких темных личностей. Жуткий взрыв, несколько трупов, окровавленный снег, и... в руки начинающего бомжа попадает таинственный прибор под названием «сигвигатор». А уж кто-кто, а Иван Федорович в технике разбирается... Вот только приборчики такие никто на Земле не делает, и чтобы пользоваться ими, надо быть не совсем человеком. Впрочем, у Загралова выбора нет, он готов помериться силами хоть с самим чертом, лишь бы выбраться из ловушки, которую ему уготовила судьба...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	32
Глава седьмая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юрий Иванович Обладатель

Пролог

Иван Загралов ненавидел табачный дым. Хотя и сам довольно долго покуривал. Но вот когда бросил четыре года назад, как отрезало: некогда приятный запах стал восприниматься как непереносимая вонь. Он стал с презрением относиться и к курильщикам. И старался по улице рядом с ними не ходить. Но сегодня, будучи в гостях, да ещё и при сложившихся жизненных обстоятельствах, свои законы диктовать было не с руки. Ничего не оставалось, как молча скрипеть зубами, проклинать судьбу да пытаться залить возмущение дешёвой водкой.

Увы! Водка помогала слабо!

Поэтому последние полчаса Ивану, которого ещё не так давно чаще величали «господин Загралов», было совсем дурно в этом прокуренном, зловонном и жарком подвале. И он еле дождался, пока его собутельники, они же добрые, приютившие его обитатели данного помещения, вырубятся от явно лишней дозы алкоголя. Погасил свет, просто выкрутив свисавшую на тонком проводе с потолка лампочку, и направился к единственному окошку, расположенному под потолком. Оно было закрыто наглухо. Мало того, что двойное, так между рамами стоял ещё и деревянный щит, и со двора не было видно, что творится в подвале. Даже если тут кого-то убивают.

«Вряд ли эти бомжи на такое способны, – подумал Иван, взгромоздившись на ящики. – Обокрасть кого по пьяни да собутельнику все карманы вычистить – запросто. А на что-то страшное они не пойдут никогда... вот потому здесь и обитают... И я таким же скоро стану...»

Он справился с внутренней рамой, сбросил на пол щит и открыл вторую раму. Лица коснулся свежий влажный воздух, и грудь расширилась, набирая как можно больше живительного кислорода.

Еще в начале общения ныне спящие хозяева подвала, Егорыч и Панфа, от предложения Загралова открыть окно, чтобы проветрить помещение, чуть не взбеленились. Еле удалось их успокоить разлитой по стаканам водкой. По их словам получалось, что в мрачном дворе и в домах вокруг него жили одни вурдалаки, злобные чудовища и самые скандальные монстры вселенной. И лишь один проблеск света наружу может обрушить массу неприятностей на головы обитателей подвала. После третьего стакана Егорыч, ссутулившись, шёпотом поведал, что во дворе уже массу несчастных и зарезали, и пристрелили, и на кусочки растерзали. И если заглядывать туда даже в дневное время, то «мурашки по телу лошадаками скачут!»

Ну а малахольный Панфа после пятого стакана заговорил чуть ли не пословицами:

– Если хочешь долго жить – далеко не ходи! А те, кто много знали об этих вурдалаках – уже молчат, развеянные прахом. Меньше шевелишь копытами – крепче спишь. Хочешь с нами жить-дружить – надо водкой дорожить. Наливай... Осторожней!

Иван наконец-то дышал полной грудью. Взгляд, пытавшийся выхватить из полутьмы двора хоть что-то, натёкался на горки подтаявшего снега, груды гнилых деревянных ящиков, помятые мусорные баки и перекосившуюся будку, похожую то ли на газетный киоск, то ли на дачный туалет. Хотя не было еще и двенадцати ночи, но стояла почти полная тишина. Ивану даже казалось, что он слышит шорох редких падающих снежинок. А значит, те, кто здесь живет, ни в коей мере не могли считаться мировым злом, и процент скандальных упы-

рей здесь, похоже, стремился к нулю. Судя по запустению, царившему во дворе, сюда никто не наведывался с прошедшей осени.

За спиной у застывшего любителя чистого воздуха что-то скрипнуло, зашуршало, и после глухого удара послышалось неразборчивое ругательство. Иван направил на звуки луч фонарика, который составлял значительную часть всего его теперешнего имущества. Оказалось, что Егорыч свалился с узкого лежака вместе с одеялом, и теперь лежал на полу, на животе, продолжая спать.

Загоров погасил фонарик, уложил его в карман куртки и вновь повернулся к окну.

И тут началось...

Откуда-то сверху спиной рухнуло на заснеженный двор тело довольно массивного мужчины. Несомненно, это упал уже труп – живые так не шлёпаются. Тут же в поле зрения Ивана появился другой мужчина. Он сделал шаг к трупу и замер. И если бы только это! Вокруг него, словно в плохом чёрно-грязном мультфильме, возникли сразу трое мужчин: один сзади и двое по сторонам и чуть спереди. Этот другой произнес:

– Вот ты, урод, и долетался!

Потом достал из-под мышки пистолет с коротким толстым глушителем и метров с трёх всадил в голову трупа сразу три пули. И скомандовал:

– Обыскать! Все, что найдёте, в сумку!

Стоявший сзади телохранитель не пошевелился, а два других ринулись исполнять приказ. И, наверное, их второе или третье прикосновение к телу убитого привело к тому, что труп... взорвался! Не громче, чем лопнувший шарик. Но последствия этого взрыва оказались впечатляющими. От трупа остались только куски окровавленного мяса. Тех, кто обыскивал, тоже разорвало на мелкие кусочки и разметало во все стороны. Третьему телохранителю оторвало верхнюю часть туловища, ну а тому, кто ими командовал, снесло голову. Его тело, раскинув руки, пролетело метров пять спиной вперёд и рухнуло на снег.

Взрывная волна толкнула Ивана, и он едва не свалился с ящиков. В лицо ему полетели снежные брызги вперемешку с кровью, да и что-то более тяжёлое ударило в бок и отскочило.

«Это разборки! – лихорадочно подумал он, машинально вытираясь рукавом. – Если меня заметят – убьют! Немедленно закрыть окно!»

Он захлопнул наружную раму, спрыгнул с ящиков и поднял с пола щит. Вновь забрался на ящики, поставил щит на место, и тут его отличный музыкальный слух, которым Иван по одному только «да?» определял любого человека по телефону, распознал голос того самого мужчины, которому полминуты назад оторвало голову!

Первая фраза состояла сплошь из нецензурных слов. Следующие были более информативны:

– Я выпустил из руки *сигвигатор*!. Искать!

Послышался топот, который могли создать не менее чем шесть, а то и восемь человек. А потом раздался капризный женский голос:

– Фу! Сколько здесь кровищи!.. Я испачкала туфли... и мне холодно!..

– Помолчи! – грубо оборвал женщину невыносимо как оживший мужчина. – Зато здесь ты в безопасности!

– Неужели? Разве это не твоя кровь по стенам разбрызгана?

– Ерунда. Главное, что ловушки больше нет... Ха! Представляешь, до чего этот хитрый урод додумался? Первый раз меня так подловили... – Мужчина помолчал и обратился к другим: – Ну что, долго ещё копать будете?

– Ищем! – последовал лаконичный ответ.

Чьи-то шаги начали приближаться к окошку, и это вывело Ивана из ступора. Включив фонарик, он устремился было к выходу из подвала, но тут луч света, упавший на грязный пол, выхватил из темноты странный предмет. Иван поднял его. Величиной и формой

он напоминал пульт для телевизора и видеоаппаратуры. И с точно такими же многочисленными кнопочками, да еще и с экранчиками с обеих сторон. И самое главное, что этот предмет своим видом словно орал: «Я – не от мира сего!» Уж в подобных вещах господин Загралов считал себя докой!

И естественно, что такой вещицы в данном подвале, в переписи имущества бомжей, не могло числиться по умолчанию. И большого ума не надо иметь, чтобы догадаться: это и есть тот самый *сигвигатор*, который с таким тщанием пытаются отыскать люди во дворе. Он влетел в окно, угодил в Ивана и упал на пол.

Загралов понимал, что у него в руке очень и очень странная штукавина, и чувство самосохранения требовало немедленно бросить ее и убираться как можно дальше от этого подвала.

Случись подобное событие неделю назад, он прислушался бы к голосу рассудка. И отбросил бы диковинный пульт от себя, словно гадюку. В те времена он себя считал очень рассудительным и всегда поступал правильно.

«И что мне эта правильность дала?! – набатом ударила в голову мысль. – Я превратился в ничтожество, ночью с бомжами и потерял всё! Но хуже всего, что я смирился с таким положением! Я – не протестую! А ведь мне, по сути, и терять-то больше нечего... И последние три дня я готов умереть... Так что меня в этой штуковине пугает? Смерть? Ха! Плевать и на неё, и на всех в этом подлом мире!»

Он упрятал *сигвигатор* во внутренний карман ещё вполне прилично смотревшейся куртки и посветил фонариком на недавних собутыльников. Те дрыхли без задних ног и не собирались в ближайшие час-полтора требовать продолжения банкета. Иван вкрутил лампочку обратно и напоследок забрал свой стакан. Стаканы для себя и своих новых знакомых он купил вместе с водкой и закуской. Егорыч и Панфа и знакомиться с ним не стали бы, а уж тем более никогда не пригласили бы в этот подвал, но Иван сильно замёрз и решил не зажимать последние деньги. От такой щедрости уже напившиеся пива бомжи расчувствовались и пригласили его в своё «очень тёплое и самое уютное местечко во всём городе».

Познакомились они в полумраке пивбара, да и вообще в этот злачный район теперь уже не «господин» Загралов попал чуть ли не впервые в жизни. Так что вряд ли Егорыч и его молодой напарник по кличке Панфа его видели раньше. А судя по их пьяным разговорам и попыткам назвать его каким-то «Саньком», а потом и «Дарчем», они уже после первой порции водки стали путать новенького соседа со своими старыми товарищами по образу жизни и смыслу существования.

То есть описать его они не смогут, если *те типы* их обнаружат. Но очень хотелось верить, что не обнаружат... Хотя, если уж действовать по совести, то следовало разбудить мужиков, предупредить об опасности, и пусть бегут отсюда. Но пока разбудишь, пока растолкуешь... И не факт, что в ответ не понесётся громкая брань, а то и с рукоприкладством. А при своих физических данных Иван сомневался, что даже с Панфой справится. А Егорыч его вообще с одного удара вырубит.

Последние рассуждения окончательно решили всё и заставили Ивана живо перебирать ногами.

Он выбрался на улицу и поспешил прочь от страшного места. А перед глазами стояли недавно увиденные картины: падение трупа, неожиданно появившийся человек, потом ещё трое... Откуда они могли взяться? Этот взрыв... И голос... Голос человека, которому полминуты назад оторвало голову!

Не может такого быть? Конечно нет...

Но еще совсем недавно Загралов и о такой вот своей жизни бесправного бомжа заявил бы с полной уверенностью: не может быть! С ним – никогда!

И тем не менее...

Страх растворился в ночи, а мысли незаметно переключились на то, что случилось с ним в последний месяц. Память перетекла в иное время, когда он был полностью счастлив. Тогда он считал себя очень умным, рассудительным и дальновидным. Тогда он жил в уюте, покое и достатке, тогда он имел право брезговать струящимся в лицо дымом. Тогда он считал себя преуспевающим специалистом...

Глава первая

Биография

Обычно человек в тридцать два года уже полностью формируется как личность, определяется с профессией и довольно ясно видит, куда его приведёт выбранная в жизни дорога. Иван Фёдорович Загралов, как ему казалось уже лет десять, тоже сформировался, определился и видел. Чёткие моральные принципы, политика невмешательства, умение хорошо учиться и много помнить, неприхотливость и отсутствие желания добиваться власти обусловили его положение в обществе.

Это положение определялось так: крепкий середнячок. Или: инженерно-технический работник. По-другому: белый воротничок, который понимает, что место начальника отдела ему, в лучшем случае, дадут за два месяца до ухода на пенсию. Но никаких обид на окружающих Загралов не держал. Никакие карьерные амбиции не мешали ему спать. Никакая зависть не тревожила его, когда он смотрел на роскошный джип своего соседа. Никакое возбуждение его не терзало при виде очаровательной блондинки в дорогой шубе. Никакие желания не давили ему на мозг при редком наблюдении величественных особняков или роскошных вилл на берегу моря. Всё это ему казалось чем-то далёким, его совершенно не касающимся и поэтому недостойным внимания.

Ну, блондинка! Ну, грудастая и губастая! И что? Ничем не лучше сотен таких же девиц, которых можно отыскать на страницах модных журналов и на порнографических сайтах. А сколько на неё надо потратить сил, средств, энергии, чтобы убедиться в итоге короткой совместной жизни, что она тебя за скота последнего считает. Имелись десятки печальных примеров из жизни окружающего электората.

Что там дальше?.. Ну, джип, стоящий миллионы. А счастья с него? Если сосед бледнеет уже при виде околачивающегося рядом с его машиной мальчугана. А иные тревоги и заботы, связанные с наличием у тебя ну очень дорогостоящей машины? Их можно перечислять часами...

Ну, вилла на берегу тёплого моря. Правда, это уже как-то согревало... Но ещё в юности он узнал, какие огромные средства идут на содержание подобных домов. Какой смысл тратиться на бассейн, в котором хозяин не купается одиннадцать месяцев в году? Зачем тратить тысячи евро только на охрану виллы? Лучше уж за эти деньги каждый год совершать путешествия, видеть что-то новое.

Кто не копит – тому терять нечего! Кто не жадный – тому дышится легко! Кто не трясётся над своим золотом – не чахнет в тоске и печали!

Три этих фразы довольно точно выражали кредо Ивана. А уж на хлеб с маслом, да ещё и на икорку (пусть только на красную), сил и ума заработать хватит. Всё остальное приходит с болью и переживаниями, а уходит без следа, но чаще всего со слезами. Так что стоит ли горбатиться и грызть ежедневно горло ближнему своему?

Вот господин Загралов и не грыз. А жил пусть и довольно скромно, но в своё удовольствие.

Конечно, многое ему в этом мире не нравилось. Очень многое. Список несправедливости, цинизма, подлости и жестокости получался очень и очень длинный. Но сознание уже давненько выработало иммунитет против многих пунктов, отторгая их подспудно от ежедневного существования простым вопросом: «А что я могу сделать?» На что чувство самосохранения сразу же чётко заявляло: «Ни-че-го!» Ведь любая конфликтная ситуация могла перерасти в крупные неприятности, а то и катастрофу. Любая ссора могла довести до драки. И любой инцидент мог завершиться летальным исходом. Жизнь стоила дороже всего осталь-

ного. Ради возможности видеть мир и вольно дышать полной грудью не следовало впутываться в неприятности.

Но если человек не борется за справедливость, то наверняка у него и совесть отсутствует?

Нет, с совестью у Ивана Фёдоровича всё было в полном порядке. Но вот вмешиваться он ни во что не собирался, действуя по принципу: «глаза не видят, душа не болит». К примеру, если за углом слышится ругань, а то и звуки драки, то не стоит за тот угол заглядывать.

Вот господин Загралов никуда никогда и не заглядывал. В герои он не рвался...

Но так получилось, что потерял всё. Кроме жизни, естественно. Ну, и той одежды, в которой он передвигался по мокрому холодному мартовскому городу.

Ещё месяц назад у него была жена, работа, две квартиры и довольно приличная, по меркам среднего класса, машина. В одной, двухкомнатной, квартире он с супругой жил, вторая, трёхкомнатная, выгодно сдавалась внаём. Подобным образом неплохо существовали многие владельцы недвижимости в столице. Причём настолько неплохо, что могли откладывать и на чёрный день. Москвичи не гнушались подобным заработком, даже гордились им, совершенствовались его, холили, лелеяли и добавляли к нему новые красочные грани.

Вот одна из этих граней и сделала тридцатидвухлетнего Ивана Фёдоровича нищим и бесправным бомжом. Хотя... если смотреть правде в глаза, наверное, в любом случае его доля определилась бы подобным образом. Одно следствие вытекало из другого, а вдуматься и рассмотреть надвигавшуюся угрозу мешали некоторая наивность и принцип невмешательства.

Обе квартиры Загралова были на его имя. Одна ему досталась от деда по материнской линии, а вторую оставили ему родители, которые ещё десять лет назад уехали в сибирскую тайгу и жили где-то недалеко от Байкала. Втемяшилось им в голову, что именно там будет наилучшее место для выживания человека в условиях грядущих всепланетных катаклизмов.

Иван тогда заканчивал обучение в Бауманке и ехать никуда не собирался. По этому вопросу родители с ним и разругались настолько, что громогласно отреклись от собственного сына и в последние годы поддерживали отношения только краткими поздравлениями на Новый год и на день рождения. А самые худшие слова, сказанные отцом на прощание, звучали так:

«Ничего, ничего, ты ещё попросишь, чтобы мы тебя приютили! А мы ещё подумаем и на твоё поведение посмотрим!»

Ну как на такие речи молодому парню не обидеться?

Вот так и остался Иван почти сиротой при живых родителях. Может, и загрустил бы он да стал менять свои воззрения, но как раз на последнем курсе и встретилась ему та самая нежная, самая понимающая и самая любящая. Она была с периферии и в прежние годы совместной учёбы даже не смотрела в сторону довольно скромного, не хватавшего звёзд с неба парня. Всего два месяца они встречались, а после защиты дипломного проекта супруга переехала к нему жить и стала распоряжаться домашним хозяйством. О детях сразу сказала: «Вначале поживём пару лет для себя, а потом – сколько пожелаешь, столько и нарожаю».

Но как-то так сложилось, что дети все не появлялись. Наконец жена заявила, что у неё не всё в порядке со здоровьем, и зачастила по разным врачам и санаториям. Причём она ни дня не работала, несмотря на высшее образование. Более подозрительного мужчину такое насторожило бы, заставило хоть раз проверить если не саму необходимость лечения, то хотя бы места ежедневных многочасовых визитов.

А ведь частенько тот, кто наивен и доверчив, получает на свою голову огромные неприятности.

К тому всё и пришло. Многоходовая подлая афера оставила Загралова нищим, скомпрометированным, униженным и бесправным. Началось всё с того, что на работе прошла

реорганизация, и новый начальник разрешил определённой категории специалистов работать на дому. В условиях глобализации и засилья Интернета подобное было возможно, удобно и выгодно всем сторонам творческого процесса. Загралов являлся специалистом робототехнических систем и комплексов, а поскольку окончил факультет информатики и систем управления, то создавал сложные программы да шлёпал по производственной необходимости нужные сайты. Потому в последние годы работал только за компьютером. Громоздкие чертёжные доски и другие приспособления давно канули в Лету, уступив место компактным принтерам и сканерам, ну а проверять работу подчинённого в любом случае удобнее и дешевле по конечному результату.

Вот Иван и получил право работать дома, а на работу являлся только в случае острой необходимости.

В первые дни после этих изменений супруга ходила какая-то взвинченная и недовольная. На вопрос о таком настроении нервно ответила, что дома, конечно, работать лучше, но лучше бы зарабатывать больше. И добавила:

– А если у нас будет ребёнок? На что мы в три рта станем жить, когда нам и на себя не хватает?

Иван растерялся от такого заявления и попытался выяснить, чего конкретно не хватает. Ведь в холодильнике имелось всё, чего душа пожелает, и с деньгами проблем не было.

Жена пояснять не стала.

А однажды примчалась вся радостная, раскрасневшаяся и с порога заявила:

– Я придумала, как нам разбогатеть! Тем более что твоя система работы даёт возможность для любых пространственных перемещений.

– В смысле? – заволновался Загралов. – О каких перемещениях речь?

– Ну, ты ведь давно мечтаешь побывать в Индии! – с напором напомнила благоверная. – И наша мечта осуществится! Мало того, сегодня я проверилась и могу смело заявить: у нас будет ребёнок! Ура!

Давно ожидаемая Заграловым новость расслабила его, выбила из колеи здравомыслия, и он от радости поглупел. Поэтому, не сопротивляясь, согласился на предложение супруги, реализация которого должна была ежемесячно приносить в бюджет семьи дополнительные пятьсот евро.

Суть заключалась в следующем: сдать квартиру в дорогостоящей Москве, а самим пожить временно в более дешёвом месте. Так уже делали многие столичные жители, повышая свой уровень жизни до комфортного. А далёкая, но страшно экзотичная Индия представляла для этого все возможности. Квартира в Москве сдаётся, к примеру, за тысячу евро в месяц, а для проживания небольшой семьи в одном из шикарных особняков в нищей Индии и с питанием вдвое лучшим, чем прежде, хватает четырехсот евро. Ну, и ещё сто – сто пятьдесят евро нужно будет тратить на перелёты два раза в год туда и обратно.

Отличное предложение? Безусловно!

Да и побывать в этой далёкой экзотической стране Иван Фёдорович Загралов в самом деле мечтал с самого детства.

И супруги взялись за претворение этого плана в жизнь. Подходящий особняк в Индии отыскался почти сразу. Билеты можно было купить в любой момент. Желающих снять московскую квартиру, благо что почти в самом центре, нашлось более чем предостаточно. Клиентами занималась сама госпожа Загралова, кого-то там она приводила, показывала, шепталась потом с ними заговорщически на кухне. Ну и на работе никаких сложностей у Загралова не возникло: со всеми и обо всём договорился.

Несколько напрягло то обстоятельство, что на новое, пусть и временное место жительства приходилось отправляться вначале одному. Жена должна была прилететь через неделю, объяснив это так:

– Пока ты там немножко освоишься, я прослежу, как сюда наши квартиранты вселятся. А ты меня в Индии встретишь уже как знаток тамошних достопримечательностей.

Неделя – срок небольшой. Тем более что и билет, уже купленный на должное число, был торжественно продемонстрирован. Наивный москвич собрал чемодан, прихватил ноутбук и отправился в страну своих детских мечтаний. Особняк и в самом деле оказался выше всяких похвал и гораздо комфортнее московской квартиры. Обильное и роскошное питание заставляло опасаться скорой смерти от переедания. А многочисленные соседи русского происхождения, коих там оказался чуть ли не целый городок, позволили чувствовать себя как дома. Многие советовали сразу нанять симпатичную служанку, которая обходилась в сущие гроши. Сказка, претворившаяся в жизнь! Иван подробно рассказывал обо всем супруге, общаясь с ней по телефону и по скайпу.

Но тут у жены умерла мать, и прибытие в Индию пришлось отложить. Теща Ивана не любила, поэтому у него и мысли не возникло мчаться на ее похороны в российскую глубинку. Но свою половинку он жалел и искренне сочувствовал её горю.

Так прошла вторая неделя его одиночества. А потом позвонила супруга и сказала, что новый билет на самолёт куплен и через восемь дней она наконец-то прибывает.

– Почему не завтра? Или не послезавтра? – попытался возмутиться Иван.

– Ох! У меня столько забот после смерти матери! – застенала вторая половинка. – Столько дел утрясти надо! Хотя бы с тем же наследством. Ничего не успеваю!

Пришлось погрузневшему Загралову смириться. А чтобы не хандрить, он с головой ушёл в работу. Благо её хватало – руководство специалиста ценило, ему давали самые ответственные задания.

Первый тревожный звоночек прозвучал, когда за два дня до намеченного вылета жены Иван не смог до нее дозвониться. «Абонент недоступен!» – вот и все, что прозвучало в трубке. Связь в Инете тоже не действовала, словно скайп на ноутбуке супруга отключила или перевела в режим невидимости.

Ночью спалось плохо. А утром пришёл владелец особняка. По договорённости следовало оплачивать за следующий месяц двадцать первого числа текущего месяца. И этот день был вчера. Иван извинился, посетовал на свою забывчивость и бросился к ноутбуку, чтобы сделать перевод. Но в течение получаса отправить деньги так и не удалось. По неизвестным причинам доступа к банковскому счёту не было.

Индиец нервно заявил, что если денег не будет немедленно, то до конца месяца придется освободить особняк. Не желая с ним препираться, Загралов рассчитался наличными. Хозяин удалился, а Иван с нарастающим беспокойством опять засел за ноутбук. И через несколько часов усиленной работы окончательно убедился: пароли доступа к его счетам изменены.

Иван был хорошо знаком с компьютерными злоупотреблениями и знал, как надо поступать в подобных случаях. Позвонил куда надо, попросил заблокировать что следует и потребовал начать банковское расследование. Если правильно и своевременно среагировать, деньги должны вернуться к владельцу.

Потом вновь попытался связаться с супругой. Безрезультатно! Попробовал разыскать её через московских знакомых. Кто-то ничего сказать не мог, кто-то удивлялся: «А разве вы не вместе уехали в Индию?»

Вторая ночь получилась более кошмарной из-за всяких мыслей и опасений. Так и не выспавшись, Иван ранним утром помчался в аэропорт, надеясь, что жена прилетит указанным ею ещё восемь дней назад рейсом. Но её там не оказалось, и Загралов запаниковал. Ринулся в российское посольство, переполошил там всех, и дипломаты начали действовать по своим каналам.

А вернувшись в особняк, обнаружил в электронной почте сообщение со своей работы:

«Безотлагательно прибыть для выяснения некоторых обстоятельств!»

Нужно было немедленно возвращаться домой.

Билет в Москву съел почти все наличные средства, но и после возвращения на родную землю проблемы не исчезли. Наоборот! Самые главные неприятности и страшные новости посыпались как из рога изобилия.

В двухкомнатной квартире, где он с женой проживал до недавнего времени, оказались не квартиранты, а полноправные новые хозяева. На Ивана они уставились с недоумением и враждебностью:

– Что за наезды?! Мы выплатили вашей жене все деньги, и документы нам оформляли в самой солидной риелторской конторе!

Одураченный владелец мотал головой, краснел, пыхтел, но, даже будучи в шоке, просмотрел показанные бумаги, сделал должные выписки и поспешил на другую квартиру, которая сдавалась уже давно и там проживали хорошо знакомые, «солидные» квартиранты. Увы! Вместо старых знакомых там оказались новые владельцы, которые, выплатив сумму полностью, въехали в квартиру буквально несколько дней назад на полных юридических основаниях.

Уже догадавшись, что произошло, Загралов бросился в гараж, намереваясь использовать свою машину для намечающейся эпопеи восстановления справедливости. Но и там ему обломилось: на воротах висели новые замки. После расспросов и поисков он нашел нового владельца гаража. Тот показал документы на покупку, а по поводу прежде стоявшей здесь машины сказал:

– Так твоя жена её продала сразу же, за полцены. Я сам удивился такой поспешности...

Похоже, что и гараж ему достался со скидкой.

Ивану не составило труда вспомнить, что он давал супруге доверенности и на машину, и на гараж. Так что долго распинаться об этой потере не стал. Тысячекратно важнее сейчас было вернуть свою недвижимость. То есть в тот момент он ещё держался и намеревался сражаться до конца. Понял, что жена его жестоко предала, обокрала до нитки и выставила на улицу, но ведь жизнь на этом не кончается. Ведь у него есть работа и куча друзей и приятелей.

Решил наведаться к некоторым из них и получил новые удары. Потому что каждый встречал его примерно одинаково:

«Принёс деньги? Даже раньше срока?»

Оказывается, его подлая жена и тут устроила полный Армагеддон. У многих его друзей и приятелей она заняла различные суммы, сколько у кого смогла вырвать со слезами и причитаниями. Действуя артистично, используя наилучшие трагические образы из мировой классики в качестве подражания, она со слезами описывала сцену ареста своего любимого мужа. Якобы его подставили, засунув в чемодан пакет с наркотиками, и теперь ему грозит долгое тюремное заключение. Но если дать взятку кому следует, то дело замнут, тем более всем и так понятно, что оно шито белыми нитками. Вот все и давали... И эти деньги в сумме тянули ещё на одну квартиру.

Всем пострадавшим от коварной аферистки Иван объяснял происшедшее уже на последних крохах своих моральных сил. Ему вроде и верили, даже сочувствовали, но собственной злости и расстройства скрыть не могли. То есть обстоятельства прояснились, виновных определили, а вот неприятный осадок в любом случае останется. Тем более что вопрос о возвращении долга так и продолжал оставаться в подвешенном состоянии.

Практически всю ночь Загралов провёл в отделении полиции, давая показания и строча заявления.

А утром, опившись до тошноты крепким кофе, подался на свою работу. И успел прямо к началу тотальных полицейских и ведомственных разбирательств. Счета фирмы оказа-

лись обокрадены начисто, банк секретных технологических данных вскрыт и ограблен, куча наработок и готовых к лицензированию работ уничтожена вирусами. И всё это не без помощи тех паролей, которые были известны Ивану...

Арест. Пять суток пребывания в следственном изоляторе. Бесконечные допросы. Жуткий надлом. Постоянно усиливающееся желание покончить с собой. И освобождение из-под ареста в связи с недостаточностью улик.

Полный жизненный крах. Даже дикое желание растерзать подлую тварь, которая была его женой, исчезло под пеплом сгоревшей веры и обломками разрушившейся судьбы.

Первую ночь слабо соображавший Иван провёл в какой-то грязной подворотне. Во вторую – прибил к каким-то бомзам, которые ночевали в конструкциях моста. Ну а на третью его пригласили переночевать в свой подвал Егорыч и Панфа.

Попойка. Засилье табачного дыма. Окно. Свежий воздух. Жуткие кровавые разборки. Сигвигатор в кармане. Страх. Тоска.

И всё то же полное одиночество в центре многомиллионного города. И дорога под ногами под названием «куда глаза глядят»...

Глава вторая

Куда?..

Почти конец марта, а весна в этом году более чем поздняя. Снег. Холодно. Ещё и ветер продувает ледяной. Хорошо ещё, что под курткой теплый пуловер.

Иван Загралов продолжал брести по городу.

«Совсем недавно, в Индии, я ходил в шортах, а тут... До утра и замёрзнуть можно, если не найти тёплый угол... Куда податься? Кто из знакомых живет поблизости?.. Базальт!»

Илье Степановичу Резвуну это прозвище вполне подходило. Он был солидным, крепким, серьёзным, толковым и знающим. Кто ему дал прозвище Базальт, никто на фирме не помнил, но все к нему так и обращались. В особых случаях добавляя «уважаемый» или «господин».

Резвун и Загралов сошлись года два назад, при написании одной весьма сложной программы. Поработали вместе, поделились некоторыми своими взглядами на жизнь и незаметно перешли к более дружескому общению, хоть Илья Степанович и был на одиннадцать лет старше Загралова. В дальнейшем они частенько помогали друг другу в решении разных задач. Загралов и дома у него бывал, и адрес знал.

Заспанный Базальт открыл ему дверь и отступил на шаг:

– Ну и вид у тебя, Ванюша... Уф! И запах! Несмотря на то, что с морозца.

Ивану ничего больше не оставалось, как развести руками:

– От суммы и от тюрьмы не зарекайся.

– Это точно. Ну, давай, проходи, рассказывай.

Разувшись и сняв куртку, Загралов прошёл в гостиную и, млея от живительного тепла, присел на краешек стула:

– Попытаюсь покороче...

Базальт внимательно выслушал, потом принес махровый халат и банное полотенце:

– Давай в ванную! Одежду в стиральную машину и включай, у меня полный автомат. За ночь высохнет. Если что сложить нужно, там пакеты есть.

Всё-таки мытье оказывает на человека самое положительное влияние. Взбадривает, заряжает оптимизмом, каким-то магическим способом пробуждает силу воли, желание бороться, что-то делать, к чему-то стремиться, что-то познавать.

Так что из ванной Иван Фёдорович Загралов вышел в хорошем настроении. Базальт пригласил его на кухню. На столе стояли тарелки с колбасой и сыром и солидная сковорода с жареной картошкой.

– Угощайся и ложись спать, я тебе постелил на диване, – сказал Базальт. – А я пойду, мне засиживаться некогда, с раннего утра одно важное дело. Зато потом целый день свободен. Вернусь часам к одиннадцати. Завтрак сам себе сваргань, холодильник в твоём распоряжении. Подружки моей не смущайся...

Иван припомнил женские сапоги в прихожей и висящую на плечиках шубку и кивнул.

– ...А в другой комнате мой школьный приятель спит, – продолжал хозяин квартиры. – Проездом в Москве. Часов в десять утра ему на вокзал.

– Понял. Веду себя как мышка, – пообещал ночной гость. – Спасибо огромное...

– Не за что. Всё. Пошёл я. И так меня заждались...

Насколько подруга Базальта его заждалась, стало понятно довольно скоро. Судя по доносившимся до Ивана звукам, подруга была горячая и ничуть не стеснялась присутствия в квартире кого-то еще, кроме нее и Базальта.

Поев, Загралов ощутил, как веки закрываются, словно под весом гирь, тело становится вялым от наваливающегося сна, и в сознании наличествует только одно желание: как можно быстрее добраться до выделенного ему дивана. Однако он пересилил себя, вымыл посуду, вытер стол и даже подмёл крошки с пола. Но только собрался выходить из кухни, как женский силуэт, размытый воздушной ночной рубашкой, промелькнул по тёмному коридору и скрылся в ванной. Пришлось ждать, пока дама примет душ и вернётся в спальню.

Войдя в ванную, Иван вынул из стиральной машины уже подсохшую одежду, взамен неё засунул куртку, шапочку и шарф, а выстиранное развесил на примыкающем к кухне балконе.

Сев на диван, Загралов вынул из пакета сигвигатор и принялся еще раз рассматривать его при свете придвинутой настольной лампы.

Штуковина была очень и очень удивительной. Во-первых, сам материал – ни в коей мере не пластик, по прочности, пожалуй, не уступающий титану, который Загралову несколько раз приходилось видеть и ощупывать. Но и не титан. Скорей некий сплав неизвестного состава.

Во-вторых, выпуклости-кнопочки. Они были разные как по высоте, так и по форме, цвету и даже шероховатости. Словно данной вещью мог пользоваться не только зрячий, но и слепой. Закрадывалось подозрение, что и звук мог различаться при нажатии.

В-третьих, оба стекла-экрана никак стеклом не были. Как и прозрачным пластиком опять-таки. Либо прозрачная сталь, либо некая модификация кристаллического углерода, по крепости не уступающая алмазу. Царапнуть было нечем, а постукивание ногтем и ключами от, увы, уже не его квартиры наводило именно на такую мысль.

В-четвёртых, у Ивана, как опытного специалиста, возникло впечатление, что данное устройство герметично и ему не страшны вода, пыль и грязь.

Наверное, можно было обнаружить и «в-пятых», и «в-шестых», но Иван положил сигвигатор под подушку, погасил свет и улёгся на спину. И понял, что вот так сразу не уснёт. Нажимать на кнопки он не стал, рассудив, что если данная вещь сможет дать о себе знать и её засекут иными приборами, то пострадает от наезда не только он сам, но и приютивший его Базальт. А также ни в чем не повинный школьный товарищ и горячая любовница Базальта. Экспериментировать с кнопками следовало только в тщательно экранированном помещении, и не факт, что голыми руками.

В голове сам собой возник вопрос:

«Могли сделать такое устройство на Земле?»

За этим вопросом стояли такие жуткие глубины, что Иван запретил себе думать об этом и постарался уснуть.

Он и сам не заметил, как погрузился в сонм видений. То ему казалось, что он сидит у телефона в далёкой Индии и с внутренним отвращением ждёт звонка от своей подлой жены. Якобы она вот-вот должна позвонить и сообщить, что все деньги она вернула покупателям, а всё имущество Загралова вновь записано на его имя. Потом ему казалось, что он падает с неба в чёрный зев знакомого двора. Падает лицом вниз, пытаясь хоть как-то перевернуться спиной. Не получается! Уже виден огромный сугроб и покосившаяся будка-киоск. А в голове бьётся одна мысль-желание: попасть в грязную гору снега. И, как назло, сильный ветер относит в сторону, прямо на будку. Стон, скрип зубов, премерзкое ожидание смерти... и вдруг резко приблизившееся лицо хозяина индийского особняка. И тот на английском начинает требовать оплату сразу за три месяца вперёд.

Опять падение. Но теперь мимо проносятся освещённые окна с высунувшимися по пояс людьми. Кажется, можно ухватиться за них, остановить падение, но люди в последний момент отдёргиваются, словно от удара током, и несчастный человек продолжает падать в пропасть... На второе дно... Или на третье?

Именно с этим вопросом в голове Иван Фёдорович и вырвался из кошмарного сна. Резко открыл глаза и сбросил с потного тела одеяло, неприятно давившее своей неожиданной тяжестью.

Минуты три прислушивался и присматривался. Без пяти десять. Из кухни доносились громкие голоса. В окно било солнце.

«Хорошо придавил на массу! – подумал Иван. Несмотря на ночные кошмары, чувствовал он себя вполне бодро. – Что это они? Неужели ругаются? Да вроде нет... А погодка сегодня вроде как на поправку пошла. Неужели весна спохватилась? Давно пора...»

Голоса переместились в коридор, дело пошло к прощанию:

– Всё, Ленка, побежал я. Базальту привет, пусть не забудет мне завтра перезвонить. И это... – голос школьного приятеля стал тише. – В таком виде не ходи, а? Не одна ведь в квартире.

Раздалось шумное фыркание, а потом капризное контральто:

– Чем тебя мой вид не устраивает?

– Уф! Прибьёт тебя Илья когда-нибудь, ей-богу прибьёт.

– Ага! Дождёшься от него! – в женском голосе чувствовалась обида. – Он меня даже к тебе не ревнует.

– Ничего, ничего! Ещё пару раз ко мне усядешься на колени и сиськи свои мне на уши положишь, он тебя точно с балкона полетать отпустит. Ты его ещё плохо знаешь. Всё, чмок, чмок!

Хлопнула входная дверь, щёлкнул замок. После чего тень мелькнула в сторону спальни, и уже надевший халат Иван устремился к ванной. И в коридоре чуть не столкнулся с девицей. Лет двадцати двух – двадцати пяти, стройная и красивая, в лёгком пеньюаре, босиком и с полотенцем на плече, она скорее всего прислушивалась, что творится в гостиной. Заранее встала в самую эффектную позу и теперь наслаждалась растерянностью и смущением на лице ночного гостя. А тот топтался на месте, никак не получалось сообразить: вернуться в комнату, поздороваться или так и продолжить свою партизанскую пробежку.

Девушка заговорила первой:

– Привет, Ванюша.

– Здравствуйте... Елена. Рад познакомиться. Прошу прощения, что в таком виде, но моя одежда сохнет на балконе...

– Да ладно, что я, мужика в халате не видела? – ухмыльнулась красotka. – Твою куртку я тоже сушиться повесила ещё два часа назад. А готовить ты умеешь?

Гость пожал плечами:

– Да как сказать... Яичницу могу поджарить, макароны с тушёной сварить, – он не хотел признаваться в своих кулинарных талантах.

– Жаль, думала, ты чего вкусного на завтрак сделаешь. Ведь посуду помыл, всё убрал, значит, и готовить должен уметь.

– Нельзя объять необъятное, – философски заявил Иван.

– Ну иди умывайся.

Елена, повиливая бёдрами, отправилась в спальню.

Как ни странно, но никакого влечения плоти к красавице Загралов не ощутил. Ни капельки она его не прельстила, хотя, несомненно, обладала для этого всеми качествами.

Уже принимая душ, он с горечью подумал:

«Похоже, во мне напрочь умерло мужское начало. И что-то мне подсказывает, что я больше никогда не женюсь. Хорошо это или плохо? Хм... в данный момент мне кажется, что очень хорошо! Женщины – зло, и от него надо держаться как можно дальше. А если и пользоваться ими, то лишь с потребительскими целями. Ни в коей мере не влюбляясь и не впуская их в глубину души!...»

И тут же окаменел под струями воды. Потому что явственно расслышал своим музыкальным слухом, как скрипнула приоткрывшаяся дверь ванной.

Глава третья

Приятель

Дверь ванной скорей всего приоткрылась от сквозняка, потому что из прихожей послышался голос Базальта:

– О! Никак уже все встали? Сашка ушел?

– Да, – отозвалась Елена из кухни. – А ты чего так рано?

– Поднажал и сделал в ударном темпе.

Иван услышал, как Базальт прошел на кухню. Вытерся, надел халат и направился туда же:

– Доброе утро.

– Доброе утро, Ванюша. – Базальт приветственно поднял руку.

Елена гладила на раскладной доске одежду Ивана.

– Ну что вы! – воскликнул он. – Я и сам умею! Не стоило беспокоиться!

– У меня только и получается, что хорошо гладить! – усмехнулась красotka и взглянула на хозяина квартиры. – Остальное должен мужчина делать.

Илья тоже усмехнулся:

– Не научишься готовить, тебя никто замуж не возьмёт.

– В жёны берут только за красоту, ум и умение любить, – парировала Елена. – Правда, Ванюша?

Иван замялся, думая, как бы облечь в красивую, без ругательств форму своё нынешнее понимание института супружества, а Базальт сказал:

– Ох, Ленка, Ленка, не касалась бы ты этой темы. Иначе такие нехорошие слова услышишь от него в адрес подавляющего большинства женщин, что уши трубочкой свернутся.

– Да ладно! – Теперь девушка смотрела на гостя с нескрываемым любопытством. – Неужели развёлся только недавно? Колись! Небось застал в своем шкафу двуногую моль?

Загралов вздохнул:

– Если бы я застал свою жену просто с любовником, я был бы счастлив... Была бы возможность убить её сразу на месте...

Он выхватил из-под утюга так и недоглаженную майку, забрал остальную одежду и ушел в гостиную одеваться.

И выругал себя за свою несдержанность. Не хватало еще, чтобы его заподозрили в желании отомстить самым жестоким образом. А ведь на самом деле, даже при самых сильных приступах ненависти к своей жене, он только и мечтал, что надавать ей пощёчин да задать один-единственный вопрос: «За что ты меня так?» Несмотря на всё зло и подлости, что она совершила, серьёзной мысли об убийстве ни разу не возникало. А эти вырвавшиеся слова были скорей попыткой хоть как-то восстановить в собственных глазах растоптанную мужскую гордость.

Оделся, сложил постель. Убрал в накладной карман рубашки паспорт и сигвигатор, а мобильный телефон прятать не стал – его нужно было подзарядить. Услышал, как хлопнула входная дверь, а потом из кухни донёсся голос Базальта:

– Ну и где ты там застрял? Ленки испугался? Так она уже ушла в парикмахерскую, ей вечером к подруге на посиделки. Ходи здесь – не стой там, завтракать будем.

Иван вошёл на кухню:

– Елена не испугалась? Я ведь просто так ляпнул...

– А зря! Твою Горгону и в самом деле пришить следовало ещё в колыбели. Ну и Ленку такими словами не запугаешь. Когда ты вышел, она вся затряслась от предвку-

шения. «Ой, как романтично!» – говорит. А потом спрашивает: «Неужели он её таки убил, а теперь прячется от полиции?» Ну не дура полная?

Иван уселся на табурет и дипломатично сказал:

– Ну что ты. Вполне умная и образованная женщина... вроде бы...

– Нью, нью! Хвали, хвали! Мне всё равно с ней детей не крестить, – хохотнул Илья. – Сбежит самое позднее через месяц. У нас разница в возрасте почти восемнадцать лет, ей нормальный молодой пацан нужен. Такой, как ты, или чуть младше.

Загралов на это отчаянно замахал руками, мол, увольте от такого счастья. Базальт кивнул на телефон, который Иван держал в руке:

– Звонить-то кому собрался?

– Увы! Денег нет на счету, да и батарея села. Подзарядить бы...

Базальт вышел и вскоре вернулся с зарядным устройством – «вертушкой». Там имелось до десятка различных видов подсоединений. Одно из них подошло, и на телефоне загорелся красный индикатор зарядки.

Илья включил свой мобильный и, узнав номер Ивана, вбил его в свою книгу. Потыкал кнопки и деловито сообщил:

– перевёл на тебя триста рублей. Так, на всякий случай. Когда заработаешь, вернёшь.

– Спасибо. Верну обязательно.

– Чем завтракать будем? Хотя уже и обедать скоро пора...

– А что у тебя есть из овощей? Не скажу, что я большой мастак в кулинарии, но пару блюд могу приготовить быстро и вкусно.

Базальт раскрыл шкафчики, холодильник и показал содержимое:

– Что подойдёт?

– Предлагаю сделать блины с начинкой.

– Годится!

Жарили лук с грибами, отдельно баклажаны с фаршем и томатом. Так получилась начинка. Потом стали жарить блины.

– Будешь искать работу? – поинтересовался Базальт.

– А кто меня возьмёт-то? Попытаюсь связаться с родителями. Если согласятся принять и вышлют денег на дорогу, махну в их сибирскую глухомань. Но тут есть одна сложность. Подозреваю, что хоть меня и выпустили, но слежку установили.

– Зачем? – удивился хозяин квартиры.

– А чтоб я был у них под колпаком. Из их вопросов я сделал вывод: они думают, что за моей спиной еще кто-то стоит... В наше время запросто можно всунуть в человека какой-нибудь чип... Во время допросов я нервничал, и мне давали какие-то капсулы... мол, успокоительное. А если это совсем другое? Вдруг у меня чип врос в кишки и сигналил почище, чем мобильный телефон? Надо бы как-то проверить. Лучше всего в экранированном помещении да с использованием нескольких пеленгующих устройств.

Приятель задумался, а потом признался, что теперь работает в одном научно-исследовательском институте. Причём он там работал ещё до того, как ушёл на почившую в бозе фирму «Контакт».

– У меня начальник – однокурсник, он разрешит тебя обследовать. Хотя, по-моему, твои подозрения смахивают на паранойю. – Базальт принялся: – Хм! А ведь недурственные блины получились! Давай жрать, иначе я слюной захлебнусь.

– Нет, нет! Это ещё не финал. Давай взбивай яйца с мукой вот в этой плошке. И где у тебя сода?

Новое тесто получилось примерно той же консистенции, что и на блины, но с чрезмерным содержанием яиц. Иван принялся распределять начинку внушительным слоем на блины, сворачивал их треугольником, потом обмакивал во взбитые яйца и обжаривал ещё

раз в большом количестве масла. Получался этакий покрытый красивой жёлтой пеной конверт, запечатанный со всех сторон.

Глядя на это священнодействие, Базальт не удержался от восклицания:

– Кошмар! Это же сколько в этом блюде килокалорий?!

– Хватает. Во время диеты и поста подобное не рекомендуется.

– Как хорошо, что мы не постимся и здоровы! – от души порадовался хозяин.

Он полез в холодильник, достал соленые огурчики, квашеную капусту, поставил на стол бутылку водки «Русский стандарт».

Только они выпили по первой рюмашке и вонзились зубами в блины с сочной начинкой, как пришла дивно похорошевшая Елена.

– Да что это тут творится? – запричитала она, присматриваясь и принохиваясь. – Без меня? Обьедаются деликатесами? Позор таким джентльменам!

– Да тут на всех наготовлено, – сказал Иван.

Елена взяла тарелку, села за стол и положила себе первый блин. Но прежде чем есть, притворно вздохнула:

– Прощай, фигура! – Хмыкнула и добавила: – Что за мужики пошли? Хоть бы комплимент насчет причёски сделали.

Базальт, разливший по второй порции водки, предложил:

– А ну-ка, пройдишь!

– Ну уж нет. Пока я тут хвастаться своей неотразимостью буду, вы всё съедите... Мм! Как вкусно! – Она положила себе в тарелку второй блин. – И кто готовил?

Незаметно покосившись на притихшего гостя, Базальт важно изрёк:

– Плод коллективных усилий. Поэтому даже при отсутствии умелой хозяйки мужчины никогда не пропадут. А вот если женщина не умеет готовить, ей одна дорога: в... артистки!

Кажется, он коснулся очень болезненной для девушки темы, потому что она нахмурилась и промолчала. А съев третий блин, покинула кухню. Кивнув ей вслед, Иван шёпотом поинтересовался:

– Чего это она?

– Тщится в кино пролезть, – скривился, как от лимона, Базальт. – Снялась в нескольких массовках на заднем плане да в одной второстепенной роли, вот и возмнила себя великой артисткой. А такие, как она, хорошие роли только через постель получают. Любой, кто на допуске к режиссеру или на каком-то распределении, её поиметь хочет. Причём самым изощрённым способом. Ленка только успевает от их грабалок уворачиваться. Но до сих пор надеется найти своё счастье на киноэкране... Вбила себе в голову, что и со мной хочет остаться, и в кино обязательно успеха добьётся. Сегодня вечером она и отправляется к подруге для знакомства с какими-то режиссерами. Вроде и меня звали, но жуть как идти неохота... – Он с сомнением посмотрел на бутылку: – Ещё по рюмашке?

– Нет, спасибо.

– Да и мне не стоит. Сейчас слетаю на работу и всё обсужу с начальником. Это по телефону не решается. А ты перебирайся в ту комнату, где мой школьный приятель ночевал, и спокойно располагайся. Старики мои должны приехать, но это не раньше чем через неделю будет.

– Спасибо! – в горле у Ивана как-то странно запершило, и ему пришлось прокашляться. – Ну а у меня пока дел нет. Смотаюсь только к бывшему соседу, заберу сумку с ноу-том, с которой из Индии прилетел.

– Тогда пошли. Деньги есть?

– На метро хватит. А насчет ужина не беспокойся, я что-нибудь приготовлю...

– На метро – это мало. Сейчас тебе денег подкину и ключи от квартиры дам.

– Спасибо, Илья! – с чувством повторил Иван.

Они вместе вышли из дому, а потом разошлись в разные стороны.

Глава четвертая

Друг

Час на дорогу в один конец, и вот уже Иван стоит на лестничной площадке и с тоской рассматривает новую дверь его бывшей квартиры. Сколько лет он сюда возвращался как в свою крепость, в домашний уют и тепло, сколько безмятежных и светлых воспоминаний... И всё! Буквально всё перечёркнуто, растоптано и уничтожено подлыми деяниями некогда близкой и любимой женщины.

Пока стоял, пытаясь совладать с нахлынувшей горечью и скорбью, дверь соседа стала открываться. Пришлось кашлянуть, чтобы не испугать мужичка своим окаменевшим видом:

– Добрый день! Я за своей сумкой. И сразу премного благодарю за помощь в трудную минуту.

Без всякой телепатии можно было проследить за думами соседа. Эмоции так и менялись у него на лице: узнавание, жуткая досада, жадность, попытки что-то с ходу сочинить и злость, что придётся отдавать явно уже облюбованное имущество.

– Э-э-э... тут совсем житья не стало! – пошёл мужичок в наступление. – Полиция ко мне три раза наведывалась...

– Знаю, мне следователи всё о ваших показаниях рассказали! – быстро сообразил, как надо себя вести, Иван. – И у них даже подозрение возникло, что вы с моей женой в сговоре были. Еле удалось их убедить, что вы человек честнейший, достойный полного доверия и в никаких злоупотреблениях никогда замечены не были. И про сумку с ноутбуком я им рассказал, как пример вашего сочувствия к пострадавшему.

– А-а?.. Ну да, конечно...

– Сумочку, будьте добры!

Тот буркнул что-то и скрылся в квартире. Минут пять отсутствовал, в спешке собирая уже наверняка поделённые между домашними трофеи. Потом вынес сумку. Заграв демонстративно проверил ноут. Без паролей им никто посторонний пользоваться не смог бы, но явно пытались. Затем просмотрел все остальное. Заметил отсутствие некоторых вещей, сувениров и сладостей из Индии, и с неприятной улыбкой, скорее напоминающей хищный оскал, проговорил медоточивым голосом:

– Уважаемый, те несколько сувениров, которые я привёз из Индии, и две большие шоколадки пусть остаются вам в подарок. – (Сосед побледнел.) – Но если увидите мою жену, напоминаю, что вы обязаны немедленно позвонить в полицию. Иначе вам грозит срок.

Развернулся и направился к лифту. До ушей донеслось злобное бормотание:

– Чтоб твоя стерва подавилась этими деньгами!.. Вместе с тобой...

Наверняка этот человек уже никогда, ни при каких обстоятельствах не поможет ближнему. И уж тем более не возьмёт что-то на сохранение по доброте своей душевной. Потому как кончилась у него эта доброта, вышла вся. Остались только жадность и желание пожиться за счёт ближнего. Мародёр. В военное время таких расстреливают на месте.

«И откуда такие берутся? Почему таких, как Базальт, ничтожно мало? – Выйдя под лучи весеннего солнышка, Иван вспомнил своих недавних друзей и знакомых и нахмурился: – И ведь они точно такие же, как этот сосед. Если не хуже... Кстати, про одноклассников! А ведь о Женьке я совсем забыл! – Иван даже на месте замер. – Друг детства... Как я мог про него не вспомнить? Вот как меня жизненные неприятности в пучину беспамятства вогнали... А он ведь живёт совсем рядом. Почему бы не заскочить на минутку? Журналисты ведь частенько дома работают...»

Евгений Олегович Кравитц учился с ним в сто второй школе до девятого класса. Затем пропал, переезжая с родителями с места на место, но лет через пять появился на школьной встрече одноклассников. Он тогда уже учился в МГУ на факультете журналистики. В последние годы их дружба как-то не складывалась по причине страшной неприязни между ним и супругой Загралова. В данный момент именно этот фактор больше всего и поражал. То есть получается, что друг детства как бы сразу, с первого взгляда, прочувствовал и рассмотрел гнилую душонку этой стервочки. И сейчас было бы весьма интересно узнать, почему у Женьки сложилось такое безошибочное мнение.

Да только, увы, звонки в дверь квартиры Кравитца оказались напрасными. Тогда Загралов написал записку:

«Дружище Кракен, я в глубокой пропасти. Меня обокрали до нитки, выгнали с работы и я теперь практически бомж. Сегодня меня приютил Базальт, приятель по прежней работе, ночевал у него. Телефон ещё при мне, если хочешь, позвони».

Дописал номер и подписался детским прозвищем: «Грава». Засунул лист под дверь и ушел. И вдруг понял, что планка настроения поползла вверх. Вроде и друга детства не застал, вроде и радоваться рано, но школьные воспоминания, особенно касающиеся начальных классов, вызывали произвольную улыбку. Уж как они только не проказничали! Что только не вытворяли! А как сочиняли прозвища...

Женьке как-то сразу повезло. У него походка в первом классе была несколько косолапая, вот кто-то и сказал: «Ходит, словно кракен!» Всё! Так и прилипло навсегда это прозвище. А вот с Иваном было сложнее. Как переименовать такую фамилию? То с монстром Загром ее связывали, то с грызуном Загрызом или Грызом. Было еще украинское слово «заграва», то есть «зарев», но длинное слишком. Потому ребятня и сократила до «Грава». Причём ещё более короткое «Грав» не прижилось из-за всеобщего неприятия.

Между прочим, Ванюша ещё в школьные годы интересовался у отца происхождением их фамилии, но тот всегда непонятно веселился и отмахивался от сына:

– Маленький ещё! Вот когда подрастёшь, тогда и объясню.

Объяснил. Сравнительно недавно, года три назад, по телефону. И жизнерадостно при этом похихатывал. Тогда как сын после этого расстроился и даже загрустил. Таинственная фамилия в интерпретации отца показалась уже не такой благозвучной и загадочной, как прежде. А в Интернете истории происхождения этой фамилии не было.

Иван подходил к метро, когда в кармане куртки запиликал телефон.

– Грава, привет! – и не успел Загралов воскликнуть восторженное «Какие люди!», как в трубке поспешно добавили: – Только не называй моё имя! Ты на улице?

– Да...

– Не кричи, води себя спокойно, словно звонок неважный.

– Ладно, договорились. Но всё равно привет! А в чем дело? Ты в бегах, что ли?

– Тут такое дело, паря, – стал деловито объяснять Кракен, он же Евгений Олегович Кравитц. – Когда ты мне в квартиру звонил, я дома сидел, но открыть никак не мог. Главное, не дёргайся, по сторонам резко не оборачивайся и спокойно слушай. Готов?

– Вполне...

– Я тут одно дело про уголовников раскрутил в прессе, так они меня немножко прижали. Знакомый сыскарь посоветовал недельку не светиться, пока их не возьмут. Но уж больно нужно было домой заскочить, кое-что из вещей забрать. В квартиру чудом проскочил незамеченным, а потом смотрю в окно из-за шторы – опять знакомые рожи нарисовались. Мало того, один мордатый жлоб парочку шестёрок привел под дверь и там нагло давал инструкции, которые и я расслышал. Дескать, не сидит тут журналюга, прячется где-то, но следить за квартирой надо. Если кто-то придет, идти за ним – может, выведет на меня. Они и караулили в то время, когда ты был, а потом за тобой увязались. Я благоприятным

случаем воспользовался, выскочил, попетлял, проверяя, нет ли хвоста, и вот тебе звоню. Постарайся уйти от этих шестёрок. Один такой маленький, в тёмно-синей куртке и в серой кепке, а второй тощий, высокий, в чёрном плаще и шляпе «Борсалино». Понятно?

– Попробую...

– Потом мне перезвонишь, и поговорим более подробно. Постараюсь помочь всем, чем смогу.

Иван спрятал телефон во внутренний карман куртки и озадаченно почесал в затылке. У самого проблем полно, так ещё и Кракен новую подбрасывает. Правда, ни огорчения, ни раздражения не было, а возник азарт.

Иван направился к метро, остановился у табачного киоска, повернул голову влево и сразу увидел «индейских следопытов». Он влился в людской поток, втекавший в двери метро, тут же отскочил в сторону и притаился у стены. «Следопыты» прошли мимо. Иван направился против течения, расталкивая людей, с трудом выбрался на улицу и поспешил убраться подальше отсюда.

По дороге к дому Базальта он присел на лавочке и послал Евгению сообщение:

«Оторвался. Позвони».

Ждать долго не пришлось, минут пять, не более. И теперь уже Кракен говорил жизнерадостно:

– Не сомневался, что ты эту шелупонь сбросишь с хвоста. Молодец! Прочитал твою записку. Кто тебя обокрал, и главное: что у тебя могли такого украсть? Ты ведь не миллионер, и в накоплении золота и бриллиантов замечен не был. Ну, разве что квартиры...

– Вот, вот! Их-то у меня и уволокли! – с мрачным восторгом подтвердил Загралов. – И машину с гаражом. И всё, что в квартирах!..

– Кто?! – рывкнули в трубке уже ошеломлённо.

– Догадаешься с первого раза? А?

После короткой паузы послышалось осторожное предположение:

– Неужели... жена?

– Ха! Видать, это твоё призвание: сразу различать сволочей! – похвалил Иван друга. – Прожжённый ты журналюга! Но вот поведай мне, почему ты эту стерву с первого взгляда невзлюбил?

– Эх... тут без поллитры всё не высветишь. Да и на пальцах надо слишком многое показывать. То есть дополнять речь и выпивку жестами для глухонемых... Но как же ты так лопухнулся-то? Ну, ладно там, одну бы при разводе квартиру отобрала, ну, машину в придачу, но чтобы всё разом?! Поражаюсь!

Пришлось ещё раз сжато пересказать все перипетии своего падения на дно столичного мегаполиса. После такого повествования Евгений не смог удержаться от профессионального восхищения:

– Вот это материал! Вот это она тебя выдоила! Ещё и на работе подставила. Ай да...! – несколько совсем нелитературных слов, да ещё и составленных особым образом, могли бы удивить любого лингвиста. – Правда, такое бывало, но там действовали люди с большим размахом. Вряд ли она сама со своим умишком такое проверить додумалась.

– Не ты один так считаешь...

– Но не это главное. Ведь если её и отыщут, то, по сути, ничего противоправного ей инкриминировать не смогут. На бумаге-то всё сходится, всё пляшет и играет. Чем ты только ей и сможешь напакостить, так это в морду плюнуть. И то не факт, что после этого она тебя по судам не затаскает.

На это утверждение друга, который знал все законы не хуже целой своры адвокатов, Ивану ничего не оставалось, как только горестно вздохнуть.

А Кракен продолжал:

– Но в любом случае статейку я напишу такую, что твоя стервочка до конца жизни не отмоется. Только ещё со следователем, ведущим твоё дело, посоветуюсь да кое-какие законы почитаю. И через пару дней мы ей подкинем «сюрприз отката». Поверь, мало не покажется! – он мстительно рассмеялся и тут же сменил тон: – Но это всё проза! А в жизни и кушать хочется. Ты где? Мне ведь надо сориентироваться, куда тебя отправить на ночлег и где поставить на довольствие.

Загралов помолчал, пытаясь сообразить, что лучше в его теперешнем положении, и спросил вместо ответа:

– А ты куда перебрался?

– У одной своей знакомой притаился, но у неё двушка, и в соседней комнате отец старенький.

– Да я пока у Базальта поживу. Может, завтра к нему в НИИ сходим, хотелось бы одну идейку проверить, да и насчёт работы с его начальством потолковать. Ведь знания-то мои и умения у меня не своруешь. А вообще, не прочь бы в Индию вернуться...

– Ну, действуй. Но держи меня в курсе. Да я и сам звонить буду. И с жильём решим, пока ты ещё не в Индии. Сам знаешь, что у нас в Москве не принято на шею садиться приятелям. Только другу, и то такому, как я. Ха-ха! И подумай, как я тебе денег могу подбросить. Может, у этого Базальта номер счёта возьмёшь?

Иван что-то промычал.

– Только не строй из себя девственницу! – воскликнул Евгений. – Меня-то ещё никто не обокрал. Ха-ха! И наше издание заплатит тебе за интересное интервью.

– Ну, спасибо, друг!

Спрятав телефон, Загралов осмотрелся и продолжил путь к дому Базальта. Впервые за последнее время дышалось как-то свободнее, и будущее уже не казалось настолько мрачным и гнетущим, как ещё совсем недавно.

Глава пятая

Связи

В квартире было тихо, как в сонном царстве. Иван прошёл на кухню и стал соображать, что приготовить на ужин. Обнаружил в холодильнике мороженого хека, кусками, и вынул рыбу, чтобы разморозилась. Начал чистить картофель, и тут на кухню заявила Елена.

– Ух ты! Опять у нас будет праздник желудка?

Одета она была в топик (бюстгальтер отсутствовал) и трикотажные шорты, обтягивавшие изумительную попку. Если бы Загралов был ещё тем, прежним, наверняка это бы его взволновало. А так только внутренне посмеялся над собой и спокойно ответил:

– Может, и будет, но для этого надо приложить совместные усилия. Тогда получается гораздо вкусней. Вон какие мы с Базальтом блинчики на пару сварганили, пальчики оближешь. Так что если будешь помогать...

– Но я ничего не умею, – призналась Лена. – Илья меня ничему не учит, да и сам толком готовить не умеет. – Завороженно глядя, как Иван ловко очищает картофелину, она высказала и опасения: – К тому же я порежусь обязательно, ногти поломаю, или ещё какое членовредительство сотворю. Меня мама никогда к кухне не подпускает.

– Ну и зря. Любой человек должен уметь приготовить вкусную еду, а женщине это самой природой определено.

– Нет на тебя феминисток! – заявила девушка. – Мы не рабыни на кухне!

Иван в недоумении пожал плечами:

– Как можно кормление отменными блюдами своих близких и любимых называть рабством? Феминистки, твердящие подобное – это обречённые на вымирание личности. Им нет места в эволюции вида, а создание и укрепление подобных движений за отчуждение женщин от кухни – прямая и целенаправленная деятельность тех уродов, которые хотят оставить на Земле не более одного миллиарда населения.

– А может, и правильно хотят? Еды-то на всех не хватает.

– Наглое вранье и оголтелая пропаганда! Уж поверь мне, я специально этими вопросами как-то интересовался. Наша планета легко может прокормить и сорок миллиардов. А если бы не тратить средства на производство оружия, то мы бы ещё в двадцатом веке стали заселять Луну и Марс.

– Фи! Пошла политика! – возмутилась будущая кинозвезда. – Ненавижу и не верю. Особенно когда речь идёт о таких огромных толпах народа. Они же пожрут друг друга без соли и без перца!

Иван понял, что продолжать диспут бесполезно, и, вручив красавице ножик, показал на три морковки:

– Чисти!

Елена посмотрела на него с сомнением.

– Мы с тобой готовим особенное блюдо: картофель с рыбой под красным соусом, – пояснил Иван. – Вкуснотища! И, между прочим, секрет приготовления известен в Москве единицам. Так что присоединяйся к священнодействию и хорошенько всё запоминай.

– А говорил, что можешь только яичницу и макароны...

– Ну, не хотел сразу все секреты раскрывать.

Потом он научил её резать морковку тонкой соломкой так, чтобы не мешали ноготки. Той же процедуре подверглись и три луковицы. Все это было обжарено до золотистой корочки, заправлено пассированной мукой, подверглось кипячению в томат-пасте и обильно присыпано специями и травками. Благо приправ в арсенале кухни имелось с переизбытком.

Много времени ушло, чтобы обжарить картофель тонкими пластинками, а потом и рыбу до золотистой корочки на большом жару. В финальной фазе рыба, картофель и соус были уложены слоями в два этажа на глубокую прозрачную жаровню и поставлены в духовку на самый малый прогрев.

– Как только Илья придет, – сказал Иван, – включим духовку на максимум. Пока помоем руки и усядется на стол, блюдо получит должную красоту и законченность, и мы его подадим, полив каждую порцию сметаной. Сбоку наложим порцию салата из огурцов, помидор и лука, но на оливковом масле. Ни в коем случае не на сметане или майонезе. Запомнила?

– Запомнила...

Салат сделали быстро и даже успели довольно празднично оформить стол.

Пришел Базальт, заглянул на кухню и уставился на наряд Елены:

– Ты в таком виде и к подруге идти собираешься? Тогда тебя точно на какую-нибудь роль возьмут. Особенно если сериал порнографический.

– Много ты понимаешь! – огрызнулась Елена и удалилась.

– Ванюша, хоть бы ты ей намёк сделал. Сам небось себя неловко чувствуешь.

– Нисколько! Отморозился полностью, что физически, что морально. Так что любые женщины передо мной могут хоть голышом расхаживать, мне теперь все равно.

Базальт закивал с сочувствующим видом:

– Эк тебя придавило... Но раньше времени себя не хорони, молодое тело само оправится от любых болезней. – Он присмотрелся к поставленной на центр стола жаровне, принюхался. – Очередное чудо? И без водочки? – Достал бутылку и рюмки. – И кто готовил?

– Сам знаешь, что мы с Леной. В следующий раз она сможет сделать то же самое уже самостоятельно.

Базальт уставился на вернувшуюся подругу с недоверием. А когда она наполнила его тарелку, произнес в явном озарении:

– Так это получается, что к моей красоте уже завтра целая очередь из кандидатов в мужа выстроится? Хм! Может, стоит встать в эту очередь первым?

Он тут же был удостоен восторженного взгляда и многообещающей улыбки подружки. Скорей всего это был первый, пусть и шуточный намёк на какие-то иные отношения между ними. И если подобные слова вылетали из уст такого основательного человека, как Базальт, то они многое значили и на многое позволяли рассчитывать. И видно было по задумчивому лицу Елены, что она уже строит некие планы, в том числе и по овладению искусством приготовления пищи. Да и у Ивана попыталась с ходу выведать ещё несколько рецептов.

В итоге несколько ранний ужин прошёл замечательно, чуть ли не в семейном уютном кругу. Мужчины уже допивали бутылку, когда женщина встала из-за стола, но тут же спохватилась:

– Помочь помыть посуду?

Загралов протестующе замахал руками:

– Да что тут мыть, три тарелки? – (Сковородки и прочую посуду, которая была использована при готовке, он помыл сразу.) – Не волнуйся, мы сами с руками.

– Ну, тогда я пошла красоту наводить. – И уже в двери кухни остановилась: – Илюша, может, всё-таки пройдёшься со мной? А то мало ли какие там мужики окажутся?

– Ха! Ты ведь утверждала, что все режиссеры и спонсоры – это бесполые существа или «голубые»!

– Говорила о тех, кого знаю, а этих нет. Да и подруга не внушает особого доверия. Уж так она себя ведёт развязно, что даже я за неё краснею.

– О-о! Это показатель! – воскликнул Базальт. – Если уж ты покраснела... то так и быть, пройдемся... Ванюша, компанию нам составишь?

– Легко! – согласился тот, улыбаясь.

– Вот и отлично. На саму встречу не пойдём, а рядом с подъездом прогуляемся. А ты, малышка, если только что не так, сигнал с телефона дай. – И когда она вышла, уже совсем иным тоном обратился к приятелю: – Про развязность подруги она явно выдумала. Просто любит, когда я её сопровождаю. Ни один жлоб не пристаёт, и никто похабные комплименты вслед не бросает.

Видя, что товарищ улыбается как-то мечтательно после такого ужина под водочку, Иван и сам впал в благодное состояние. И ему показалось, что счастье иным людям всё-таки доступно, и даже семейное в том числе. Если ему самому так не повезло в жизни, то это не значит, что все остальные мужчины тоже должны смотреть на женщин волками. Движение к гармонии и любви нельзя остановить никакими катастрофами.

– Когда поженитесь? – спросил он.

Базальт поскреб подбородок:

– О женитьбе речи нет, Ванюша. Разница в возрасте мешает, я же тебе говорил. Это я сейчас ещё «о-го-го!», а через десять лет? Стану старым и немощным, и начнет она метаться в поисках резвого любовника. Нужно мне такое? И это ещё хорошо, если только изменять будет. После того, как с тобой жена поступила, вообще страшно становится семью заводить.

– Ну, ты ведь не настолько глуп, чтобы дать жене доверенности на всё?!

– А зачем тогда жить вместе? Если нет доверия, то и в брак вступать не стоит. Правильно я говорю?

Иван развёл руками:

– Какой из меня советчик? Неудачник я и лох...

Базальт добродушно рассмеялся:

– Ага! И северный олень! Не переживай, прорвёмся. С начальником я переговорил, он отнёсся к твоим бедам с пониманием. В лаборатории побывать разрешил, и мало того, хочет с тобой побеседовать и уровень твоих знаний проверить. Говорит, если ты и в самом деле к развалу фирмы «Контакт» непричастен да хорошо в программировании сечёшь, то постарается что-то придумать. Он мужик толковый, и связи у него в таких местах и на таком уровне, что нам с тобой и не снилось. Ведь его папаша – замминистра. Ну, что скажешь?

– Да не знаю, как тебя и благодарить...

Так они и беседовали, пока Елена одевалась и наводила боевую раскраску. Когда она появилась во всём великолепии, мужчины дружно зацокали языками, и Базальт с уверенностью заявил, что хорошая роль у нее уже в кармане. Игнорировать такую красоту не смогут ни «голубые», ни бесполое, ни даже люди с очень плохим зрением.

Вышли на вечернюю улицу в приподнятом настроении. Чтобы пройти пешком, Елена обула удобные полусапожки, а туфли Илья нёс в пакете. У нужного подъезда она сменила обувь, став сразу выше чуть ли не на десяток сантиметров. И скрылась за дверью воплощением красоты и грации.

Мужчины же облюбовали чистый, отлично освещённый фонарями отрезок тротуара перед домом, да так и курсировали по нему, беседуя на разные темы. С одной стороны – дома в четырнадцать этажей, с другой – тёмный, сырой от недавней непогоды сквер с соснами, елями и густым колючим кустарником, ограждающим дорожки. Иван спросил, можно ли будет его товарищу перевести на счет Ильи небольшую сумму в рублях, так сказать, на мелкие расходы Загралова. Тот не возражал и поинтересовался, что это за товарищ. Иван с некоторым стыдом поведал о друге детства, и о том, с каким запозданием о нём вспомнил. Рассказал и о детских прозвищах, которыми они до сих пор пользовались, о нынешней работе Евгения и возникших у того сложностях.

Базальт выслушал и заявил:

– Чтобы отвадить подобную шушеру, не стоит даже в полицию обращаться. В том районе у меня один знакомец имеется, из военных. Прошёл огонь и воду. Вокруг него ещё пара десятков таких же бойцов крутится. Так их как уголовная шваль увидит, сразу по подвалам прячется. Если надо будет, я позвоню, да и сами там нарисуемся, и всё будет улажено в два момента.

– А если случится драка? Да ещё с ранениями?

– Медведей бояться, за малиной не ходить. Да и вообще, порой в этой жизни надо себя позиционировать жестко и давать такой отпор, чтобы у недоброжелателей отпала охота с тобой связываться. Как думаешь, знала бы твоя жена, что ты её обязательно выследишь и удавишь за такое или основательно покалечишь, она бы осмелилась на подобное?

– Ну, нет, я на такое не пойду, – покачал головой Иван и тут же скривился, словно у него заболел зуб. – И она в этом не сомневается...

– О чём и речь! Нельзя быть мягким, когда следует защитить себя от посягательств всяких сволочей. Думаешь, для этого есть полиция, и ты за защиту платишь налоги государству? Полная ерунда! Наше скотское государство построено на костях народа бандитами и ворами, и ими же управляется. Так что полиция, ещё не так давно именуемая милицией, в первую очередь защищает только их интересы. И тот факт, что ты стал бомжом, только подтверждает: твоя вера в справедливость и нежелание противопоставить злу силу неуместны в современных условиях. Это закон нашей российской жизни: ударили тебя, умей ударить в ответ. Пусть даже вешишь вдвое меньше противника. А уже потом, если в дело вмешалась полиция, попробуй доказать свою правоту в судах и следственных изоляторах.

– Слишком жестоко, – заметил Загралов. – Я ведь толком никогда в жизни и не дрался. Как-то удавалось решать все без кулаков.

Базальт презрительно фыркнул и с жаром принялся доказывать, что мужчина должен быть с железным стержнем внутри, уметь в решительный момент вспыхнуть, как искра, и навешать зуботычин в ответ на хамство и оскорбление. Пусть тебя потом и сомнут силой или большинством, но отступать нельзя. Важен сам факт готовности к сопротивлению. Иначе и к себе уважение потеряешь окончательно, и остальные отвернутся, посчитав беспозвоночной глупой улиткой.

Более получаса старший опытный товарищ вдалбливал несмыслёнышу, как надо действовать в той или иной ситуации. Разными словами вдалбливал, в том числе и нецензурными. Жёстко учил, доказывая, что лучше сесть в тюрьму, чем допустить послабление, отступить в критической ситуации. И детально объяснял, как и почему от человека могут отступить даже его родители, если он проявит мягкотелость. Сунул пакет с полусапожками Ивану и помогал себе жестами, корпусом, показывая, как надо бить и куда.

Можно было бы сказать, что Илья учил Ивана жизни, словно старший брат. А то и как отец родной. Словно предчувствовал, что когда-нибудь настанет время для проявления этой самой твёрдости.

Это время наступило очень быстро и неожиданно.

В кармане Базальта пискнуло. Тот достал телефон и посмотрел на засветившийся экран:

– Это Ленка сигналит. Пошли...

Они направились к подъезду, но не успели дойти, когда дверь открылась и на улицу вывалилась компания из трёх мужиков и двух женщин. Причём если одна из них сама висела на локте своего хохочущего ухажёра, то вторую практически несли под локотки. И этой второй была Елена, видимо, сумевшая воспользоваться своим мобильным телефоном.

Как выяснилось позже, в квартире осталась изрядно напившаяся хозяйка сразу с двумя кавалерами, а остальные мужчины решили им не мешать и отправиться в сауну, где продолжить обсуждение снимаемых сериалов и провести репетицию некоторых пикантных

сцен. На нежелание начинающей артистки режиссёры, или кто они там были на самом деле, не обращали ни малейшего внимания. Ещё и на улице продолжая уговаривать строптивницу совсем не по-джентльменски.

– Чё ты ерепенишься, крошка? Поверь, тебе в сауне понравится, – гоготал первый.

– А ещё хоть раз пикнешь, под дых получишь уже со всей силы, – угрожал второй.

Этих слов Базальту хватило, чтобы окончательно определиться. Хотя стоило отдать ему должное, всё-таки он не стал сразу доводить дело до рукоприкладства.

– Дорогая, куда это тебя волокут без моего разрешения?

Подошедшая к машине передняя парочка рассмеялась, а двое мужчин, ведущих Елену, отреагировали по-иному:

– Уйди с дороги, козлина!

– Она вольная птичка и уходит с нами!

И тут Базальт начал работать кулаками. Удар правой в челюсть, и один «режиссёр» грохнулся прямо в лужу от тающего снега. Движение левой, и пытавшийся что-то вопить и даже контратаковать второй получил тот самый удар под дых, которым он недавно угрожал начинающей актрисе. Любитель сауны согнулся, попятился, зацепился за оградку палисадника и рухнул на спину.

Понятное дело, что Елена получила свободу и вместе со своими защитниками двинулась в сторону сквера. Почему именно туда? Да потому что хохотун скомандовал своему и водителю другой машины:

– Поломайте этого урода!

А водители оказались с виду теми ещё бугаями. Да и в руках у них были какие-то слишком уж длинные бейсбольные биты. Главный шутник компании достал из машины травматический (а может, и не травматический) пистолет и с матерными ругательствами направился вслед за водителями. Отступающая троица оказалась в сыром полумраке сквера. Хорошо ещё, что дорожка была усыпана гравием, утонуть в грязи им не грозило, но бегущая на высоких каблуках Елена оставалась самым слабым звеном. Однако услышав за спиной топот водителей, она сбросила туфли, подхватила их в руки и припустила что есть силы босиком.

Во всей этой ситуации Иван Фёдорович Загралов был статистом, да ещё исполнял обязанности носильщика пакета с дамскими полусапожками. Возможно, они бы благополучно убежали, но, как говорится, и на старуху бывает проруха.

Базальт оглянулся на бегу, чтобы оценить, далеко ли преследователи, и обо что-то споткнулся. Да не просто упал, а ещё, как выяснилось впоследствии, повредил левое предплечье. Пока поднимался на ноги с ругательствами, с не меньшей бранью налетели качки с битами. Они, наверное, забили бы Илью с двух сторон, да тут совершенно неожиданно, в первую очередь для самого себя, в драку поспешил Иван. При этом он несколько несуразно размахивал пакетом и рычал нечто невразумительное. Похоже, на его действия оказало влияние подсознание, которое последние полчаса упорно бомбардировалось непрерывным внушением Базальта: «Мужчина не должен размышлять о себе, а сразу бросаться в бой при любой опасности!» Ну и, наверное, некие иные импульсы заставили его броситься на спасение приятеля. Хотя бы то же элементарное чувство благодарности к своему благодетелю, пустившему переночевать, накормившему и обогревшему. А может, ещё до сих пор довлело в мозгу убеждение, что жить давно не стоит, и такому недоумку, лоху и оленю на земле нет места. А значит, и терять больше нечего.

Как бы там ни было, но один из нападавших отвлёкся на хлипкого с виду мужчину. Ещё и несколько перестраховался, решив, что у того в пакете некий тяжёлый предмет. По этой причине не сразу долбанул битой промеж глаз, а несколько раз попытался ею отмахнуться от подозрительного пакета. И самое главное – на это ушло время! И этого времени хватило Базальту для того, чтобы справиться со своим противником, завалить его на землю и теперь,

лежа, награждать непрекращающимися ударами. Получалось, что и оторваться он от него не мог, и успокоить на некоторое время не удавалось.

А тут и главный шутник компании примчался со своим пистолетом:

– Да я тебя сейчас!..

С этими словами он попытался выстрелить Илье в голову. Но тот не стал ждать такого печального для себя конца, откатился в сторону, и, не обращая внимания на два раздавшихся выстрела, подхватил оброненную водителем биту. А потом отличным броском направил её прямо в руку противника, державшую пистолет. Третий выстрел сменился воем от боли, и шутник, доставая левой рукой телефон из кармана, бросился в сторону домов.

Бугай начал медленно подниматься на ноги. Базальт тут же подскочил к нему и нанёс сокрушительный удар в висок. Соперник Ивана, выбив у него из руки пакет, по сторонам смотрел и прекрасно осознал, кто тут самый опасный. Поэтому моментально позабыл о бегущем от него вокруг скамейки Загралове и бросился на Базальта. Илья чудом увернулся от удара по голове, зато получил по плечу. Пошатнулся, отступил, и второй удар схлопотал по правому бицепсу. Потом в живот досталось и ещё раз по плечу. Он уже не мог поднять руки, чтобы прикрыть голову. И тут бита ударила его у виска, и он, словно могучий дуб, рухнул в кусты.

Иван, поражаясь собственной злости, подхватил биту, которой Базальт вышиб пистолет из руки главного шутника, подскочил к бандиту, вырубившему Илью, и ударом по затылку свалил наземь. И остался стоять среди лежащих тел. Со стороны одинокого фонаря, пожалуй, единственного на весь сквер, нерешительно приближалась фигурка Елены. Она не видела, кто кого и как успокоил. Но, сжимая туфли, повизгивая от страха, шла к месту драки, намереваясь использовать острые каблуки как единственное своё оружие.

А со стороны домов слышались крики сбежавшего туда главного шутника:

– Сюда, сюда, братва! Там наших фраера мочат!

И он явно не пытался ввести в заблуждение, какая-то кучка теней к нему спешила со всех ног. И судя по звучавшему жаргону, режиссёров среди данной группы деятелей не было.

Глава шестая

Нонсенс

Обстановка оставалась – опасней некуда. Кажется, в данном сквере и вокруг него такого понятия, как патрули полиции, вообще не существовало. Так что даже если кто из жителей дома и обратил внимание на драку да на выстрелы и позвонил куда надо, вряд ли силы охраны правопорядка среагируют быстро. Так всегда в жизни происходит: когда ты без паспорта, то сразу попадаешь под проверку документов, а когда тебя убивают, ни одной фуражки с кокардой, на которой герб России, не отыщешь в пределах прямой видимости.

Подошедшая Елена дрожащим голосом спросила:

– Что с Ильей?

Загралов всё ещё стоял в позе бейсболиста, сжимая биту. Но тут же отбросил ее и склонился над Базальтом, пытаясь привести того в сознание и в душе опасаясь самого худшего.

Но бита, кажется, ударила по виску вскользь, рассекла кожу, но не нанесла смертельную рану. Да и падал мощный мужчина совсем не как умирающий, а как «поплывший» после нокаута боксёр.

– Живой, только без сознания, – сказал он и показал рукой в сторону скамейки: – Вон твой пакет с сапожками.

Нужно было немедленно уносить товарища отсюда. Преодолеть сквер, а там уже будет проспект, где полно машин, да и прохожие должны быть. Попытался поднять Базальта, но только крикнул от натуги.

– Лена, подсоби! Надо отсюда уходить!

Девушка уже успела надеть полусапожки, а туфли засунула в пакет с оторванными ручками. Подбежала, помогла взвалить Базальта на плечи Загралову. Как ни странно, но и с такой ношей он умудрился двинуться если и не бегом, то довольно резвым шагом. Еще пару минут – и они доберутся до освещённого проспекта по другую сторону сквера.

Да только сзади послышались злобные окрики и угрозы. Преследователи плотной кучей бросились в погоню, хорошо рассмотрев троицу беглецов в свете фонаря. И видя, что один несёт другого, прекрасно понимали: от них не уйдут!

Лена попыталась сбоку поддержать тело любимого мужчины, но стало только хуже: Ивана повело в другую сторону, и он чуть не зарылся носом в гравий дорожки.

– Не трогай! – выдохнул он. – Беги лучше на проспект и зови кого-нибудь на помощь!

Девушка тут же устремилась вперёд. А Загралов, поскрипывая зубами от натуги, попытался хоть как-то ускориться. Такого перенапряжения он еще никогда не испытывал. В ушах словно бухали барабаны, сердце неистово колотилось, лёгкие ходили ходуном, а глаза заливал пот.

«Ну! Хоть кто-нибудь! – мысленно завопил изнемогавший Иван. – Хоть кто-нибудь! Спугнуть этих недоносков...»

И кажется, его призывы были услышаны то ли небесами, то ли ангелом-хранителем. Уже миновав фонарь, он краем глаза увидел, как из кустов на свет шагнул дюжий полицейский. Достав пистолет из кобуры, он двинулся в сторону погони. Ещё и гаркнул при этом угрожающим, странно знакомым басистым голосом:

– Стоять, сучки! – именно так, с ударением на последнем слог.

Иван машинально начал поворачиваться, чтобы посмотреть, что сейчас будет происходить. Совершать подобный манёвр с такой тяжестью на спине смог бы цирковой силач, переворачивающий машины и рвущий цепи «движением плеча», но и Загралов сумел это сделать. Уже двигаясь боком и поворачивая голову, он успел увидеть, как преследователи,

развернувшись, начинают набирать скорость в обратном направлении, а стоящий в свете фонаря полицейский, видимый со спины, вроде как собирается стрелять из своего пистолета.

В следующий момент произошло что-то непонятное: Загралов не споткнулся, не получил какой-то оглушающий удар, не упал. Но свет у него в глазах мгновенно погас, и он провалился в беспамятство.

Первое, что он подумал, когда очнулся:

«Перенапрягся!...»

Потом попытался увернуться от лёгких, но раздражающих пощёчин. Открыл глаза и пробормотал:

– Хватит меня избивать...

– Уф! Ожил, болезный! – с облегчением выдохнул заглядывающий ему в глаза Базальт.

Рядом, в свете все того же одинокого фонаря, стояла Лена, прижимая пакет к груди.

Именно к ней и обратился Иван:

– А где эти урки?

– Убежали почему-то... Я оглянулась, увидела... ну, и вернулась.

– Может, хватит на земле валяться? – спросил Базальт.

Сам он выглядел с окровавленной головой неважно, как говорится, «краше в гроб кладут», но попытался улыбнуться, и голос звучал бодро. Он помог Ивану подняться и стал объяснять:

– Я ведь ещё у тебя на закорках очнулся, но пока сообразил, на ком я катаюсь, и раздумывал, не покатаюсь ли ещё, сзади кто-то рывкнул, ты стал разворачиваться и неожиданно рухнул, словно тебя вырубил. Я встал, огляделся – никого поблизости. Только малышка возвращается... Ну и вот минуты две тебя в чувство приводили... Пошли! А то не ровён час эти недоноски вернутся...

Загралов продолжал стоять на месте и озираться.

– А полицейский? Куда он делся?

Базальт с недоумением переглянулся со своей подругой, потом они вдвоём тоже осмотрелись по сторонам и чуть ли не хором, с неподдельным удивлением спросили:

– Какой полицейский?

Только сейчас Иван окончательно сообразил, что его трясет. Вдруг подкатила тошнота, и он, еле успев отвернуться, согнулся в жутком приступе рвоты.

Выворачивало его минут пять, и всё это время он чувствовал, как Илья его поддерживает за плечи. Наконец выпрямился и прохрипел:

– Пошли...

Они выбрались на проспект и там уже вздохнули с облегчением. Базальт повозился в сугробе, счищая снегом кровь с лица. Одежда у мужчин была грязной и местами даже порванной. Удары биты и гравий на дорожке не слишком-то способствовали сохранению пристойного внешнего вида. Елена смотрелась лучше, с пакетом под мышкой, пусть и прихрамывающая, но всё такая же красивая. Она и стала ловить такси, тогда как мужчины сделали вид, что увлечены разговором, повернувшись к дороге так, чтобы не видно было изъёнов в одежде. Сработало. Остановившийся частник, услышав адрес, назвал цену, и трио поспешно загрузилось в машину.

При посадке водила рассмотрел пассажиров, и несколько озадачился. Но те уже сели, алкоголем от них не несло, и частный извозчик тронулся в путь.

Когда добрались до квартиры Базальта, тот первым делом усадил Елену на полку для обуви в прихожей, стянул с нее полусапожки и стал осматривать ступни. К счастью, ничего опасного не было, только несколько мелких порезов, и девушка была отправлена в ванную, отмывать ноги и вообще приводить себя в порядок. А мужчины протопали на кухню,

и Базальт, достав из нижнего шкафчика початую бутылку коньяка, со смешком обратился к хмурому приятелю:

– Ну и как тебе, Ванюша, боевое крещение?

Тот потёр виски и признался:

– Честно говоря, не отказался бы вернуться в прошлое, жить как раньше и никогда не знать и не ведать о подобных крещениях.

– Да уж! Что-то ты слишком бледный какой-то! – Хозяин разлил коньяк по стаканам, нарезал лимон и приказал: – Пей!

– А не свалит, после такого стресса?..

– Пей, что доктор прописал! – хохотнул Илья и лихо опрокинул свою порцию в глотку. – Эх! Хорошо! При сотрясении мозга лучше всего расслабиться спиртным... И коньяк – отличное лекарство!

Иван чуть не поперхнулся своей порцией и, кое-как проглотив, заметил:

– Но у меня-то не было сотрясения!

И вновь услышал смех.

– Ванюша, я ведь на раз просекаю все события и факты. И умею делать правильные выводы. И коль тебе примерещился полицейский, значит, и тебе по голове досталось. И рвало поэтому.

Причём всё это было сказано с таким убеждением и настолько авторитетно, что Загралов непроизвольно стал ощупывать свою голову в поисках шишки. Но нигде ничего не болело, разве что он все еще ощущал лёгкое головокружение.

– Нет, мне повезло выкрутиться, увернуться, меня даже ни разу ничем не приложили, – возразил он. – И уж тем более по голове. Мало того, – припомнил Иван, – ты ведь сам говорил, что услышал окрик у нас за спиной. Верно?

– Ха! Так меня-то точно битой по голове саданули, так что всякое могло послышаться! – Базальт вновь разлил коньяк по стаканам: – Ну, ещё по одной? Так сказать, за наше крепкое здоровье!

Но Иван не стал пить, хотя стакан так и оставил в руке:

– Ага! Значит, подтверждаешь, что крик услышал? А что именно услышал, помнишь?

Базальт выпил, прожевал лимон и кивнул:

– Помню... Хотя за точность не ручаюсь. Мне тогда показалось, что это нас кто-то из тех отмороzków догнал. Вроде как: «Стоять, сучки!»

– Вот! Именно так! – обрадовался Загралов. – И слова, и ударение сходится. Я сам только так и позволял себе ругаться: сучки, дрова гнилые да огрызки сушёные.

– Так, может, это ты и крикнул?

– Я? Басом? Когда уже и пискнуть не мог от сорванного дыхания? Ты же тяжеленный, а я в своей жизни больше одного чемодана в двадцать килограмм не поднимал! Ну и последнее: с чего бы это наша погоня от нас вдруг убегать начала? А я чётко успел рассмотреть: полицейай вынул пистолет и собрался стрелять по тем ублюдкам.

Илья развёл руками, пожал плечами и налил себе третью порцию спиртного. Но сразу пить не стал, а пустился в рассуждения:

– Хорошо, допустим... Но куда тогда полицейский успел деться? Я-то ведь после твоего падения, ещё только начав подниматься на колени, первым делом тоже назад посмотрел и увидел, как те убегают. И больше никого. Значит, одно из двух: либо наш неизвестный спаситель опять запрыгнул в кусты и спрятался от наших благодарностей, либо те отморозки испугались чего-то другого. Хотя... – он на пару секунд задумался. – С полицейским этим мы можем разобраться завтра с утра. Пойдём на то место и хорошенько всё рассмотрим. Если кто-то выходил из кустов, а потом там же спрятался, должны следы остаться. Там ведь снег с грязью...

Загралов кивнул. Полицейский мог сидеть в засаде. А тут какие-то хулиганские разборки, мешающие каким-то высшим целям. Естественно, что доблестный служака нашёл лучший выход из положения: появился, погрозил пистолетом и тут же спрятался обратно.

Вот только одна деталь смущала. И кое-как протолкнув в себя вторую порцию коньяка, Иван о ней поведal:

– Ты понимаешь, холодно ведь на улице... А тот полицейский без куртки был... В рубашке и мундире... И не смотри на меня так, я чётко его запомнил. Здоровенный такой громила, и этот мундир на нём расстегнут был до половины, словно он только из-за стола вышел или из собственной спальни...

Базальт не удержался от ехидной улыбки, хотя тон держал уважительный:

– Может, он в тапочках был? Ну, раз из спальни вышел...

– Да нет... – Иван даже глаза закрыл, вызывая в памяти картинку увиденного. – Не в тапочках... В туфлях! Форменных, поблескивающих после чистки туфлях.

– На каблуках? – голос стал уже явно ехидным, и Загралов, поняв, что над ним издеваются, резко открыл глаза:

– Ты что, мне не веришь?

– Всё! Разговор замяли, утром всё осмотрим на месте! – Тем более что Елена покинула ванную, и следовало определиться. – Иди мыться, а я пока Ленкины порезы йодом помажу...

Иван прислушался к своему состоянию, и, опасаясь непонятного головокружения, решил остаться последним в очереди на помывку:

– Иди ты, я сам помажу...

– Ха-ха! Ладно, тебе можно и такое доверить!

Илья достал из шкафчика пузырек, сунул его Ивану и поспешил в ванную, крикнув на ходу в спальню:

– Малышка, высовывай ножки из-под одеяла! Сейчас к тебе ввалится доктор Загралов с йодом! Будешь громко кричать, подумаю невесть что. Поэтому – терпи!

Иван ещё посидел на кухне, задумчиво барабанил пальцами по столу, и направился в спальню.

Пострадавшая процедуру выдерживала вполне сносно. Хоть и шипела, покусывая губы, но не кричала и не стонала.

– Слушай, а ты когда обернулась и пошла назад, точно никого не видела? – спросил Иван. – В смысле, того полицейского?

– Я оглянулась, ты лежишь. Илья только на коленки встал... вас хорошо на свету было видно. Ну и вдалеке те типы убегали. И никого больше... Но ведь если возле вас кто и был, он мог просто шагнуть в кусты. Направо или налево. Или замер на месте, слился с деревьями. Я когда возвращалась, больше под ноги смотрела, а он за это время мог и скрыться.

– О! Точно, слился! Поэтому его Илья и не заметил, – расслабился Загралов. – Потом стал меня в чувство приводить, а тот служака и спрятался... где-то. Скорей всего ушлый партизан, такие на ровном месте могут стать незаметными. Только почему он без куртки был?..

– Ну, ты, художник! – раздался возглас вошедшего в спальню Базальта. – Зачем ты ей чулки йодом рисуешь? Если бы я задержался, ты бы и выше сеточку наложил?

– Окстись, дружище! – сдержанно заулыбался Загралов. – Я тебе не Сальвадор Дали! Тем более надо ещё дезинфицирующие средства на твою голову оставить. Садись!

Но девушка тут же заявила:

– Я сама его разрисую.

Иван поставил пузырёк на тумбочку, пожелал спокойной ночи и отправился в ванную. Правда, под горячую воду залезть не рискнул, головокружение и непонятная слабость всё-

таки беспокоили. Душ получился скорей холодный, но всё равно не взбодрил. Добрался до своей кровати, сел и осмотрелся.

Эта комната, судя по всему, служила Базальту чем-то вроде мастерской и домашней лаборатории. Чего там только не стояло на полках и тумбочках, чего только не лежало рассыпью на столах. Пожалуй, здесь можно было чинить что угодно, да плюс ещё и собрать невесть что из имеющихся деталей. Иван подошел к столу, с улыбкой посмотрел на устаревшие сопротивления, резисторы, конденсаторы, миниатюрные реле, дроссели и соленоиды.

«Завтра мы будем «прощупывать» сигвигатор, – подумал он. – Наверное, там будет не только Базальт, но и его шеф. А нужно ли сразу раскрывать этот секрет? Подобного на земле может и не быть, и привлекут целую толпу к его изучению... А стоит ли так торопиться?.. Но если при включении устройства оно даст некие импульсы, то что я отвечу на их вопросы? «Всё нормально, я пошёл»? Нет, надо что-то придумать, запудрить мозги, разыграть спектакль... Только вот какой? Ага! Вот лежит маленький преобразователь из титаната бария, очень похожий на обычный конденсатор. Он вполне пройдет под названием «чип». Внутренности-то рассмотреть невозможно! А значит, моя легенда с неким маяком в моём теле... (нет, пусть он отыщется в ботинке!) вполне жизненна. Должна прокатить... на первый случай. А там видно будет...»

Он положил конденсатор в карман рубашки, нащупал сигвигатор в другом кармане и направился к кровати. Разделся, лег и отключился от действительности.

Глава седьмая

Загадка и пробы

Небо на востоке только-только начало светлеть, когда чья-то рука осторожно коснулась плеча Загралова.

– Вставай! – Базальт говорил почти шёпотом. – Пока малышка спит, давай смотаемся в тот сквер и всё осмотрим. Или передумал и готов признать, что у тебя было временное помутнение рассудка?

Прежде чем ответить, Иван пошевелился, прислушался к себе. Кое-какие мышцы явно побаливали после вчерашней переноски тяжеленного тела, но в остальном самочувствие было нормальным. То же самое касалось морального состояния. Никакие кошмары не снились, и можно было жить дальше. Вчерашняя сцена вновь чётко предстала перед мысленным взором. Полицейский просто не мог померещиться. Так что следовало всё прояснить до конца.

– Несомненно, надо смотаться. Только не рановато ли для общественного транспорта? Или пешочком?

– Возьму дядькину машину. Своей никак не обзаведусь, и без неё хлопот хватает.

Даже не позавтракав, мужчины тихонечко оделись и подались на улицу. Машина родственника стояла в гараже-сундуке из волнистого железа в соседнем дворе, так что вскоре приятели оказались на месте. Утро было туманным, в воздухе висела водяная пыльца, угрожавшая в любой момент превратиться в снежные хлопья. Градуса два тепла, но лучше бы был морозец, чем такая сырость.

Зато белесый рассветный туман скрывал сквер, и утренних исследователей никто не мог заметить уже в пятидесяти метрах от дороги. Базальт вынул из рукава куртки короткий обрезок арматуры и вручил изумлённому компаньону. Для себя же достал из кобуры под мышкой пистолет травматического действия. Перехватив взгляд Ивана, он шёпотом пояснил:

– Я ведь битой тому шутнику его пистолет выбил, а вернулись ли они за ним? Могли ведь тоже, как и мы, на утро это дело отложить... Так что смотри в оба!

Фонарь продолжал светить, и два ирокеза-следопыта приступили к разгадыванию следов. Точнее, ирокез «Зоркий Глаз» был один, а его приятель относился к классу «багаж бесполезный, бледнолицый». Базальт разглядывал все вокруг и бормотал:

– Вот тут мы упали... здесь я встал на колени... Точно! Этот камень острый мне штанину прорвал! Ты лежал на боку... А где, говоришь, стоял твой... хм, наш спаситель?

Иван неуверенно шагнул вперёд, притопнул ногой:

– Вот здесь...

– Ага. И вышел он оттуда? – Илья ткнул пальцем в кусты у фонарного столба.

– Ну да...

– Ладно, посмотрим...

Оба приятеля подошли к нужной точке и минуты две стояли, оторопев.

Столб был отделён от кустов полукругом, заполненным загустевшей грязью. И там отчётливо виднелись следы обуви не менее чем сорок пятого размера. Они не вели от кустов, да и не пройти там было человеку: слишком густым, колючим, прочным, почти по грудь был кустарник. Два отпечатка четко показывали: тут кто-то стоял, широко расставив ноги. И главное, что человек этот стоял на том же месте, где возвышался фонарный столб!

Разумеется, при желании такой фокус проделать можно. Взяться за столб руками и аккуратно поставить свои стопы по сторонам от него. Но для этого надо: либо выйти

из кустов; либо сползти по столбу вниз; либо, пятась задом, войти с дорожки в грязь и, встав на одну ногу, другую завести за столб и опустить.

Зачем и кому нужны такие сложности?

А потом ещё и точно по своим следам выйти обратно с грязного места.

Потому что в грязи виднелись ещё два отпечатка, словно человек стоял себе, стоял, а потом двинулся в нужном направлении в нужное время. Первый шаг короткий, всего сантиметров двадцать – двадцать пять, второй уже шире – около сорока сантиметров.

– Шутки над пьяными прохожими? – ошарашенно пробормотал Базальт. – Или над бегающими здесь хулиганами?

Он наклонился и пошел по следам.

– Вот третий шаг... Четвёртый... Пятый... Ага! Остановился, опять расставил ноги... Если верить тебе, Ванюша, то он собирался стрелять из пистолета... И? Что мы видим дальше? А ничего мы не видим. Не прыгал он в кусты. И что это значит? Одно из двух: или этот полицей по своим собственным следам вернулся к столбу и опять влез на него...

Оба приятеля непроизвольно посмотрели на фонарный столб и даже пробежались по нему взглядом до самой лампы. Иван издал смешок и повернулся к Базальту:

– Или?..

– Хм! Грустно такое резюмировать, но: или мы сошли с ума.

– Нет, это не подходит! – решительно возразил Загралов. – Если бы сошли с ума, твоя Елена еще вчера врачей бы вызвала. И действительно напоминаю: меня по голове никто не бил.

– М-да... что-то у нас не сходится, – Илья прошёлся вдоль следов их загадочного спасителя. – А пойдём-ка туда, где драка была.

Они прошагали в тумане метров сорок и обнаружили не только обе биты, но и пистолет. Похоже, тут никто ничего не искал, до этого места группа преследователей так и не добежала, а оба качка, пришедшие в сознание, ушли отсюда к своим машинам позже. А может, уползли? При тщательном осмотре приятели отыскивали еще кое-какие вещи: связку ключей, мужской туфель, грязный носовой платок и мобильный телефон. Базальт разблокировал устройство связи, и экран осветился, показывая, что кто-то усиленно пытался дозвониться до абонента. Всего был сделан тридцать один непринятый звонок. И стоял значок одного принятого, но непрочитанного сообщения.

Базальт, ни мгновения не сомневаясь, ткнул кнопочки и стал читать сообщение вслух:

– «Отдайте нашего товарища по-хорошему. Готовы заплатить сколько надо. Ждём до обеда». – Просматривая номера телефонов, Илья озадаченно чесал другой рукой в затылке. – Что-то я не пойму... они не только биты потеряли? Или их поделщик сам от них же и спрятался? Или о чём речь?

Загралов огляделся и сказал:

– Не пора ли нам отсюда сматываться? Туман рассеивается, скоро нас тут любой изда-лека заметит.

– Ты прав, Ванюша.

Базальт сунул телефон в прихваченный из машины пакет, где уже лежал подобранный пистолет и другие вещи, и они направились к проспекту.

– Второй пистолет не помешает, – сказал он. – Нас легко вычислить через подругу Ленкину. Если наедут, будем отвечать адекватно.

По дороге домой Базальт рассказал Ивану то, что вчера, уже в постели, услышал от Елены. Оказалось, что в компании и в самом деле присутствовал один режиссёр, причём довольно известный, а те двое, что силком волокли её под локотки, были из его киношного персонала. В сауне, по утверждениям любвеобильной подруги-нимфоманки, действительно стояла аппаратура и проводились пробные съёмки. Ну а в машинах скорей всего сидели

шоферы из какой-то бандитской, но в то же время вполне легальной конторы по обеспечению клиентов транспортом и плечистой охраной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.